

Джон Сэндфорд
Внезапная жертва
Серия «Misterium»
Серия «Лукас Дэвенпорт», книга 8

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11286746
Внезапная жертва : Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-81302-5

Аннотация

В течение нескольких месяцев сотрудники полиции под началом Лукаса Дэвенпорта «пасли» двух грабительниц банков – Кэнди и Джорджи Лашез. При совершении ими очередного дерзкого налета полицейские взяли вооруженных до зубов женщин в кольцо. В перестрелке обе налетчицы погибли. Конец дела?... Нет, только начало. Потому что отбывающий наказание в тюрьме Дик Лашез, которому Кэнди приходилась женой, а Джорджи – сестрой, поклялся отомстить участвовавшим в операции полицейским и убить их близких, чтобы они поняли, каково это – терять тех, кто тебе особенно дорог. Дик сбежал из-под стражи и развязал «войну мести». И главная его цель – невеста Дэвенпорта...

Содержание

Глава 01	5
Глава 02	16
Глава 03	20
Глава 04	33
Глава 05	43
Глава 06	51
Глава 07	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Джон Сэндфорд

Внезапная жертва

John Sandford

Sudden Prey

Copyright © John Sandford, 1996

© Бушуев А.В., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 01

Из динамиков, установленных где-то наверху, звучали нежные детские голоса. *«Святая ночь, сияют ярко звезды, мы славим в эту ночь Христа».*

Человек, который мог убить Кэнди Лашез, стоял на холоде и наблюдал за ней сквозь стеклянные двери универмага. Иногда ему была видна лишь ее макушка, иногда Кэнди исчезала совсем, но он старался не упускать ее из поля зрения.

Ничего не подозревая, женщина перебирала товары в отделе нижнего белья, медленно переходя от одной полки к другой.

На самом деле ее интересовало не белье. Ее внимание было приковано к задней части магазина, к отделу бытовой техники. Кэнди остановилась, вытщила черное бюстье, подняла на уровень глаз и критически посмотрела, склонив голову набок, как это обычно делают особы женского пола. Затем повесила на место и обернулась к дверям.

Человек, который мог ее убить, отступил назад, чтобы остаться незамеченным.

К тротуару подкатил автофургон. Из него выпрыгнула коренастая женщина в оранжевой парке и распахнула боковую дверь. На мостовую высыпала стайка детей, все как на подбор белокурые, разного пола, возраста и роста – на вид лет четырех, пяти, шести, семи, восьми и девяти. Фургон направился к парковке, а женщина повела детей к дверям универмага.

Человек достал из кармана бутылку дешевого вина, сунул в горлышко кончик языка, делая вид, что пьет, изобразил пару глотков. Закрывая детей своим телом, женщина провела их мимо него. Вскоре они нырнули внутрь и скрылись из вида. Что и требовалось. Наблюдатель убрал бутылку и снова бросил взгляд на вход.

Кэнди оставалась все там же, в отделе женского белья. Мужчина огляделся по сторонам, проклиная время года: рождественские гирлянды и украшения, грязные смерзшиеся сугробы на улицах, пронизывающий ледяной ветер, от которого не спасают шерстяные перчатки. У него было худощавое небритое лицо. Обветренная нездоровая кожа, напоминающая пергамент на бубне. Желтые от никотина зубы, похожие на старую слоновую кость. Наблюдатель достал из кармана пачку «Кэмела», извлек из нее сигарету и дрожащими от холода пальцами поднес к губам.

Он выдохнул. Ветер унес дым и облачко дыхания. От этого сделалось еще холоднее.

Маслянистый баритон исполнителя, которому никогда не быть Бингом Кросби, старательно выводил слова песни: *«Пусть ничто не тревожит тебя в светлый день Рождества, в день, когда появился Христос».*

«Господи, когда же он наконец заткнется?» – подумал мужчина.

С того места, где он стоял, ему был виден золотой шпиль здания законодательного собрания штата. Под хмурым декабрьским небом шпиль напоминал кусок латуни. Гребаная Миннесота. Наблюдатель поднес бутылку к губам и на этот раз сделал настоящий глоток. На языке остался вкус забродившего виноградного сока, в котором не было обычного тепла алкоголя.

Какого черта Кэнди там делает?

«Подопечная» неторопливо бродила по торговым залам универмага «Сирс», разглядывая холодильники, но ничего не покупала. Затем направилась в отдел женской одежды, где принялась разглядывать блузки. Оттуда переместилась в отдел, где продавались сотовые телефоны.

Затем она снова ушла. К тому времени наблюдатель уже вошел внутрь, и она едва не засекла его там, где были выставлены телевизоры. Он толкнул двери и снова вышел на холодный ветер, а Кэнди зашагала к отделу нижнего белья. Неужели она его заметила? Продавец

из отдела телевизоров заметил. И драное пальто посетителя, и разбитые туфли. Иначе зачем он подошел к телевизорам «Тошиба» с широким экраном и стал следить за ним, как коршун? Наверное, она там.

«Подопечная» была на пути к выходу.

Когда Кэнди вышла из «Сирс», наблюдатель даже не взглянул на нее. Он увидел ее, но даже не повернул головы. Просто стоял возле стены, раскачиваясь на каблуках, затем что-то пробормотал в свою парку и сделал еще один глоток из бутылки.

Кэнди так и не заметила его, даже тогда. Выходя из магазина, она чуть повернулась в его сторону. Ее взгляд равнодушно скользнул по нему, как будто это не человек, а урна для мусора или пожарный гидрант. Танцующей походкой она направилась к парковке, не быстро, но и не слишком медленно. Походка Кэнди была спортивной, легкой, пружинистой, уверенной. Походка жизнерадостной женщины. Красивая, тридцати с небольшим лет, но все еще похожая на девчонку из группы поддержки школьной спортивной команды. Натуральная блондинка, круглое лицо и здоровая кожа уроженки Висконсина.

Кэнди прошла до середины парковки и, заметив автофургон «Шевроле», ускорила шаг. Человек, который мог ее убить, все еще стоял у входа в универмаг.

– Она только что прошла мимо своей машины, – произнес он.

Слова наблюдателя услышал член законодательного органа штата от республиканской партии, одетый в дорожное пальто от «Брукс бразерс». Услышал и торопливо вошел внутрь. Чертовы алкаши! Можно подумать, у него есть время разговаривать с всякими уличными придурками. Их вокруг полным-полно, похожих, как близнецы, в грязных, залитых дешевым вином парках.

– Скорее всего она направляется к тому фургону, чувак.

* * *

Кэнди нравились музыка в стиле кантри и рубашки со стрелками на карманах. Еще ей были по душе массовые сельские танцы и пиво «Грейн белт». К числу ее любимых вещей относились также придорожные заведения в глубинке, грузовички-пикапы, ковбойские сапожки, оружие и маленькие голубоглазые детишки.

Подойдя к фургону «Шевроле», Кэнди достала из кармана массивную связку ключей и попыталась наугад открыть замок дверцы. На двенадцатом ключе ей повезло. Дверца открылась.

Фургон принадлежал продавцу «Сирс» по имени Ларри, потрепанному жизнью мужчине из отдела бытовой техники. В последний раз, когда Кэнди видела его, Ларри, стоя рядом с семисотдолларовой стиральной машиной «Кенмор» с автоматическим контролем температуры, прикреплял к рубашке бирку со своим именем. Он опаздывал минут на десять, и Кэнди, бродя среди блузок и нижнего белья, уже начала беспокоиться. Неужели фургон сломался? Вот это было бы весьма некстати.

Но нет; вот Ларри, тяжело дыша, с раскрасневшимся от холода лицом, прислонился к стиральной машине. Он был мозговитый парень, а Кэнди такие не нравились.

Она знала, что Ларри мозговитый парень, потому что к бамперу его фургона был прилеплен стикер с надписью: «ТЫ ПРОТИВ АБОРТОВ?» А ниже мелким шрифтом: «Тогда не делай их». Аборты – не тема для юмора, тем более на бамперном стикере.

Человек, который мог убить Кэнди, пробормотал куда-то в ворот парки:

– Она в фургоне. Отъезжает.

Голос, что ответил ему, не был гласом божьим.

– Вижу ее.

У парки есть одно достоинство – под ней невозможно разглядеть радиоаппаратуру с микрофонами и наушниками.

– Она стартовала, – ответил Дел и осторожно, стараясь не пролить ни капли, поставил бутылку бормотухи на землю. Ему это пошло больше не понадобится, но кому-то, возможно, пригодится.

– Франклин сообщает, что Лашез и Кейл только что вошли в пиццерию, ту, что позади многоуровневой парковки, – произнес голос в самое ухо.

– Они вышли с той стороны парковки через дыру в ограде. Там они бросят свой фургон, – ответил Дел.

– Вызывай Дэвенпорта.

– Франклин уже вызвал. Он в пути. С ним Слоун и Шерилл.

– Порядок, – уклончиво отозвался Дел.

«Но не полный», – добавил он про себя. Четыре месяца тому назад в Марси Шерилл стреляли. Пуля зацепила артерию, и Марси едва не скончалась от потери крови прежде, чем ее довели до больницы. Дел так сильно пережимал артерию, что Шерилл потом шутила, что чувствовала бы себя нормально, если бы не жуткий синяк в том месте, где Дел пережал ей сосуд.

«Нехорошо втягивать в это дело Шерилл, она еще не отошла от того старого случая», – подумал Дел.

Порой Дэвенпорт проявлял здравый смысл тогда, когда Делу ничего даже не лезло в голову. Кроме рыбалки.

– Вот она, – сказал голос ему прямо в ухо.

* * *

Фургон изнутри весь провонял сигарным дымом. Кэнди брезгливо сморщила нос. К счастью, долго терпеть этот запах ей не придется. Вырулив с парковки, женщина проверила количество бензина. Полбака. Этого более чем достаточно.

Кэнди медленно проехала квартал в направлении Дейла, миновала самого Дейла и по шоссе I-94 покатила в направлении Миннеаполиса. Джорджи и Дуэйн будут ждать возле пиццерии.

Женщина посмотрела на спидометр: пятьдесят четыре мили в час. Отлично. Нарушители закона обычно ездят с превышением скорости. Дик говорил, что это их главная ошибка такая – им наплевать на ограничения скорости и прочие мелочи. В половине случаев преступники успевают ограбить банк и смыться, а потом палятся, потому как их останавливают за то, что они, забыв о положенных пятидесяти пяти милях в час, разгоняются до шестидесяти пяти. Кэнди такой ошибки не допустит.

Она попыталась расслабиться, проверила в зеркале заднего обзора. Ничего подозрительного. Достав из кармана пальто «Хеклер унд Кох», Кэнди нащупала магазин и нажала на верхний патрон большим пальцем. На ощупь убедилась, что обойма полная.

Дик всегда смеялся над этой ее слабостью к пистолету, стреляющему игрушечными пулями, но ее он устраивал. В обойме «хеклера» помещается тринадцать патронов. Кэнди делает девять-десять попаданий из тринадцати в банку из-под супа «Кэмпбелл» с расстояния двадцать пять шагов. Пару раз ей удавалось вогнать в такую банку все тринадцать пуль.

Хорошие результаты. Конечно, банки из-под супа – это вам не движущаяся мишень. Однако в двух случаях, когда приходилось стрелять по-настоящему, Кэнди чувствовала не большее напряжение, чем в тот раз, когда возле передвижного дома Дика палила по пустым жестянкам. Ей не нужно ничего выстраивать в линию – главное, чтобы оба глаза были открыты и устремлены на мушку. И в этот крошечный промежуток времени, когда в прицел

попадает нагрудный карман рубашки, или пуговица, или любая другая хорошая мишень, ты поднимаешь дуло выше на одну шестнадцатую дюйма и жмешь на спусковой крючок. Бах. Бах, бабах. От этой мысли Кэнди даже бросило в жар.

* * *

Дэнни Купичек был обладателем длинной черной гривы, которую дома ему подстригала жена. Волосы падали на глаза и на массивные очки, делавшие Дэнни похожим на застенчивого продавца обуви.

Это помогает, когда работаешь с наркоторговцами. Те опасаются пижонистых покупателей. Они доверяют продавцам обуви, продавцам страховок и парням в бейсболках с логотипом «Макдоналдс». Дэнни был похож на таких простаков. Он подогнал «Додж» к тротуару, и Дел быстро залез в салон. Купичек взял с места и поехал, держась на расстоянии трехсот ярдов от фургона «Шевроле».

Дел сразу же протянул руки к автомобильной печке.

– Зимой мне бы подошел новый облик, – заявил он. – Буду изображать типа, у которого есть теплое пальто.

– Знаешь, кого выбери? Члена законодательного собрания штата, – подсказал Купичек.

Сидя в машине у местного Капитолия, он не сводил глаз с автомобиля Кэнди и наблюдал за тем, как политики входят в здание и выходят на улицу. От него не укрылось, какой преуспевающий и вальяжный у них вид.

– Нет, – хмыкнул Дел. – Хочу попробовать изобразить личность, которая в ладах с законом.

– В любом случае голову придется чем-то прикрывать, – напомнил Купичек. На нем были брюки из плотного вельвета, свитер поверх рубашки, вязаная шерстяная шапочка и распахнутая парка. – Пятьдесят процентов тепла теряется из-за того, что нет головного убора.

– А для чего тогда, по-твоему, нужен капюшон? – Дел указал себе через плечо.

– Слишком просторный, вечно будет съезжать, – тоном знатока сообщил Купичек.

Когда они выехали на шоссе I-94, между «Доджем» и автомобилем Кэнди было девять машин. К тому же женщина катила по медленной полосе, в то время как полицейские – по крайней левой.

– На хрена мне шапка? Работа в теплом кабинете – вот что мне нужно. Может быть, я подам заявку на грант.

Купичек посмотрел на спутника, на его желтые зубы и двухдневную щетину.

– Ты для гранта не годишься. Я вот гожусь, – без обиняков заявил он. – Я гожусь. И Шерилл тоже. Даже Франклин годится. Ты – нет.

– Да пошел ты в жопу со своей женой и сопливыми детишками! – огрызнулся Дел и взял у Купичека передатчик. – Лукас, ты меня слышишь? Где ты?

– Мы подъезжаем к паркингу, – мгновенно отозвался Дэвенпорт. – Где она?

– Только что миновала Лексингтон, – отчитался Дел.

– Не упускайте ее из виду. Когда она свернет на двести восьмидесятом съезде, сразу же сообщите мне, как только она поднимется наверх.

– Понял, – ответил Дел.

Купичек продолжал наблюдать за фургоном.

– У нее железные нервы. Не думаю, что мы превысили скорость пятьдесят шесть миль в час, когда выехали на дорогу.

– Профессионалка, что тут скажешь, – прокомментировал Дел.

– На ее месте я бы так расписиховался, что газанул бы сразу на девяносто. Кто знает, может, сегодня они ничего не будут делать.

– Будут, – возразил Дел.

Он чувствовал, что сегодня *эти* точно пойдут на дело.

* * *

Брюнетку с голубыми глазами, смотревшими из-под слишком длинных и слишком густых бровей, звали Джорджи Лашез. У нее были толстые губы с опущенными вниз уголками и мясистый французский нос. Взглянув в глаза сидевшему на другом краю стола Дуэйн Кэйлу, она сказала:

– Дуэйн, засранец, если ты сорвешься с места и уедешь, я обязательно найду тебя и застрелю в спину. Обещаю.

Тот подался вперед над желтой пластиковой столешницей, зажав в обеих руках огромный стакан кока-колы.

Его характерными чертами являлись оплывшее лицо и неопределенного цвета волосы. Один свидетель мог заявить, что Дуэйн – блондин, другой подтвердил бы под присягой, что шатен. Кто-то назвал бы его румяным и толстощеким, другой не менее рьяно уверял бы, что у этого парня лисья мордочка. Его внешность как будто постоянно менялась прямо у вас на глазах. Дуэйн был одет в армейскую камуфляжную куртку с поднятым воротником, джинсы, военного образца ботинки и бейсболку с логотипом «Сэйнтс»¹.

– Я сделаю все, как надо, – произнес он, – но что-то мне не по себе. Точно тебе говорю. То есть когда мы провернули дельце в Райс-Лейк, я стопудово знал, что у нас все получится.

– Ты отлично сработал в Райс-Лейк, – отозвалась Джорджи, а про себя подумала: «Ты тогда так струхнул, чувак, – я испугалась, что нам придется уносить тебя на руках». – На этот раз тебе нужно только крутить баранку.

– Уговорила. Ты считаешь, у нас все выгорит? – спросил Дуэйн, постукивая стаканом по столу. – Ты же сама сейчас сказала, что я отлично сработал. Черт, сегодня все не то. Нет, мэм. Я, конечно, сделаю это, если вы настаиваете, но я...

Джорджи перебила его словесный понос.

– Я настаиваю, – отрезала она и посмотрела на часы. – Кэнди появится здесь через минуту. Поднимай свою паршивую задницу и садись за баранку. Все будет пучком. Ты знаешь, что следует делать. Тебе нужно всего лишь проехать два квартала. Ты все отлично делаешь.

– Уговорила, – ответил Дуэйн, и его адамово яблоко скакнуло вверх-вниз.

Он был слишком напуган, чтобы сплюнуть в кока-колу или куда-то еще.

* * *

Дэвенпорт снял пальто и серый исландский свитер. Слоун протянул ему бронезилет. Лукас натянул его на себя и закрепил липучками. Все это замечательно, но если пуля влетит тебе под мышку, то точно прошьет сердце и оба легких. Никогда не поворачивайся боком.

– Ну и холодрыга, – буркнул Слоун. Сегодня на нем была шапка из кроличьего меха. – Мы живем в гребаной России. В Советском, мать его так, Союзе.

– Советского Союза больше нет, – сказал Лукас.

¹ «Нью-Орлеан Сэйнтс» – профессиональный футбольный клуб (американский футбол).

Они стояли на парковке возле аптеки – Лукас, Слоун и Шерилл. Им пришлось вылезти из машины, чтобы надеть бронежилеты. Какой-то прохожий, выгуливавший собаку в синей попонке, с любопытством наблюдал за ними.

– Сам знаю, – отозвался Слоун. – Он просто переехал сюда.

Лукас снова натянул на себя свитер, затем надел пальто. Это был высокий брюнет с голубыми глазами. Тонкий белый шрам на его лице протянулся от брови до щеки.

– А кто пытался создать в отделе собственную лыжную сборную? – с улыбкой спросил он Слоуна.

– Да ладно, надо же чем-то заняться посреди...

– Лукас? – Это снова ожил радиопередатчик.

Дэвенпорт взял в руки микрофон:

– Слушаю.

– На двести восьмидесятом съезде, – сообщил Дел.

– Франклин, надеюсь, ты меня понял?

– Понял, – подтвердил Франклин. – Вижу Лашез и Кейла. Они все еще там сидят. Похоже, о чем-то спорят.

– Поезжайте дальше, – приказал Дэвенпорт.

– Я еду. Я так, мать твою, замерз, что боюсь останавливаться.

– Давай к университету, – сказал Дел.

– Нам лучше ехать, – произнесла Шерилл.

Ее лицо, красиво обрамленное непослушными черными волосами, покраснелось от холода. На ней были черная кожаная куртка, джинсы в обтяжку и спортивные туфли. На руках красовались пушистые белые варежки, купленные за полцены по специальному полицейскому каталогу. Такие варежки могла бы носить какая-нибудь старшеклассница, но в них имелась прорезь для указательного пальца, как на охотничьих рукавицах.

– Они садятся в ее машину.

– Понял, – кивнул Лукас, и все трое погрузились в легковой автомобиль.

Слоун устроился на водительском сиденье, Шерилл – рядом с ним, Лукас занял заднее сиденье.

– Вот она, – сообщил по радио Франклин.

– Проверь оружие, – проговорил Лукас, обращаясь к Шерилл.

Он был не вполне уверен в том, что она это сделает. Хотел лично убедиться. Сам Дэвенпорт достал из кармана пальто «кольт» и совершил священный ритуал перезарядки: вытащил обойму, затем снова вставил. Сидевшая перед ним Шерилл крутанула барабан своего «магнума».

Когда Слоун развернул машину на несложном U-образном повороте и проехал через три квартала в направлении Кредитного союза «Мидленд стил», Лукас выглянул в окно. Мир как будто слегка покачнулся.

Так всегда бывало перед решающей схваткой: внезапное, яркое и острое, как булавочный укол, восприятие образов и текстуры, запаха человеческих тел, сигаретного дыма, жевательной резинки «Джуси фрукт», оружейной смазки и мокрой кожи. «Работай мозг постоянно именно так, – подумал Лукас, – действуй непрерывно на таком уровне, и человек был бы гением. Или безумцем. Или и тем и другим».

Вспомнив одну мысль, посетившую его еще утром, Дэвенпорт взял передатчик и приказал диспетчеру:

– Нам нужны две группы возле университета. Мы отслеживаем краденый фургон «Шевроле». Нужно, чтобы его как можно скорее остановил полицейский в форме.

Лукас продиктовал номер машины. Диспетчер повторил услышанные цифры и уточнил:

– У нас есть патрульная машина на Риверсайде. Попробуем начать оттуда.

* * *

Кэнди остановила фургон возле тротуара неподалеку от пиццерии «Хэмс». Джорджи и Дуэйн уже ждали ее. Кэнди переместилась на пассажирское сиденье и открыла заднюю дверь, впуская Джорджи внутрь. Дуэйн сел за руль.

– Все в порядке? – спросил он.

– Все отлично, – ответила Кэнди и улыбнулась белозубой улыбкой.

Дуэйн всегда хотел ее, хотел по-своему. Они учились в одной школе, с первого до последнего класса. Играли вместе на детской площадке, умненькая Кэнди и не слишком умный Дуэйн. Пару раз она показывала ему свои сиськи; один раз в Мейер-Крик, где купалась голышом вместе с Диком, когда Дик не видел, что Дуэйн идет к ним, а Кэнди его видела. Она была женщиной Дика, но не собиралась хранить ему верность. Дополнительный уха-жер никогда не помешает.

– Поехали! – сказала Джорджи с заднего сиденья и повернулась к Кэнди: – Ты готова?

– Я готова.

– Тут мы промаха не дадим, – заявила Джорджи.

– Да, все будет круто, – поддержала ее Кэнди.

Сейчас было десять утра. В этот день работникам платят бабки. Платежки начинают раздавать в одиннадцать. Первые служащие смотаются с работы в одиннадцать ноль одну, чтобы получить наличные. Но это будет часом позже.

– Смотри, вон еще один ниггер, – рассеянно сообщил Дуэйн.

Высоченного роста негр вошел в пиццерию прежде, чем туда юркнула Кэнди. Он заказал кусок пиццы и спросил, можно ли расплатиться продовольственными талонами. Когда ему ответили, что нельзя, он вытащил из кармана две смятые долларовые бумажки и бросил на прилавок.

– Продовольственные талоны, это же надо, – с отвращением произнесла Джорджи. – Еще один чокнутый. Глянь, как он сам с собой разговаривает. Вот придурок.

Франклин, шагая по улице, доложил:

– Один квартал, пятнадцать секунд.

* * *

– Приехали. – Голос Дуэйна еле заметно дрогнул.

Джорджи и Кэнди отвернулись от негра и посмотрели на желтое кирпичное здание с пластмассовой вывеской и невысоким крыльцом.

– Помни, что я тебе говорила, Дуэйн. Мы пробудем там ровно минуту, – сказала Джорджи.

Она нагнулась и что-то шепнула ему на ухо. Когда же парень попытался повернуть голову, Джорджи схватила его за мочку и, оттянув, ущипнула, пустив в ход ногти. Дуэйн болезненно поморщился.

– Если ты смоешься, не дождавшись нас, – предупредила Джорджи, – мы тебя выследим и пришьем. Точно тебе говорю. Если ты очканешь, Дуэйн, и бросишь нас, тебе конец. Верно я говорю, Кэнди?

– Верно, – подыграла та и сурово посмотрела на Дуэйна.

Впрочем, после ледяной строгости она быстро приняла другой образ, типа «боже, Дуэйн, я хотела бы потрахаться с тобой, но должна хранить верность своему Дикки».

– Он никуда не уедет. Дуэйн умница, хороший мальчик, – проворковала Кэнди и похлопала его по бедру.

– Я все сделаю как надо, – отозвался тот. Вид у него был как у загнанной в угол крысы. – Я правда все сделаю путем. Ведь в Райс-Лейк я все сделал верно, разве не так?

Дуэйн остановил фургон возле тротуара. Джорджи в упор посмотрела на него. Затем напарницы натянули на головы нейлоновые чулки и выхватили из карманов пистолеты.

– Идем! – скомандовала Джорджи и вылезла из фургона первой.

Кэнди последовала за ней, держась на расстоянии шага. В голове Джорджи мелькнула мысль, что напарница буквально светится от радости.

– Я бы с удовольствием всадила в кого-нибудь пулю, – призналась Кэнди, когда напарницы, преодолев четыре ступеньки, вошли в дверь «Кредитного союза».

* * *

Франклин уже прошел половину квартала, когда Джорджи и Кэнди ворвались в банк.

– Обе женщины вошли внутрь. На головах нейлоновые чулки. Началось! – доложил он.

Через пять секунд Дел и Купичек остановились на углу и слегка подались вперед, чтобы стала видна задняя часть «Шевроле», в котором сидел Кейл. От фургона их отделяло расстояние примерно в сорок ярдов.

Слоун остановился на следующем углу и встал так, чтобы видеть переднюю часть фургона.

– Готовы? – спросил Лукас и открыл заднюю дверцу.

– Готовы, – кивнул Слоун.

Вид у него был какой-то сонный, казалось, будто сейчас он начнет зевать. Это от нервного напряжения.

– Вперед! – произнес Лукас и повторил в радиопередатчик: – Работаем!

* * *

Джорджи и Кэнди ворвались внутрь, ворвались резко и шумно, в масках – как и полагается.

Начала Джорджи.

– К стене! – выкрикнула она. – Всем к стене! Быстро! К стене!

Влетевшая буквально на ее плечах Кэнди с массивным пистолетом в руке с криком бросилась к кассе.

Внутри было всего пятеро человек: четыре женщины-служащие и единственный клиент банка, мужчина в черной лыжной куртке и темных очках. Женщина, находившаяся ближе других к Кэнди, напоминала рыбу. Беззвучно открывая и закрывая рот, она то вскидывала, то опускала руки, как будто надеялась закрыться ими от пуль. На ней был розовый свитер с аппликацией из голубых цветов на груди.

Другая женщина съежилась и отвернулась, поглядывая на налетчиц через плечо. После чего встала, прижавшись спиной к стене, рядом с канцелярским шкафом, и не смея смотреть на Кэнди. Женщина помоложе, кассир, отскочила назад, испуганно вскрикнула, зажала руками рот и попятилась, сбила стоящий на столе телефон, вздрогнула и застыла на месте. Четвертая, прижав руки к груди, просто попятилась назад.

Джорджи затараторила с пулеметной скоростью:

– Спокойно! Спокойно! Всем успокоиться! Всем молчать, молчать, молчать! Не орать! Тихо! Молчать! Все заткнулись! Стоять тихо! Всем стоять тихо! Всем заткнуться! Это ограбление! Всем молчать!

Напарницы пробыли в банке уже десять секунд. Кэнди заскочила за прилавок кассира и, вытащив из-за пояса наволочку, принялась опустошать ящики кассы.

– Здесь мало! – крикнула она, стараясь перекрыть «пулеметную очередь» Джорджи. – Этого недостаточно, тут где-то есть еще!

Джорджи схватила за руку женщину в розовом свитере, ткнула в нее пальцем и рявкнула:

– Где еще деньги? Где остальные деньги?

– Нет-нет-не... – только и смогла произнести та.

Джорджи наставила пистолет на мужчину в темных очках и лыжной куртке.

– Если ты не скажешь, я через секунду прострелю ему башку! Отстрелю, на х..., его чертову башку!

Зажав пистолет двумя руками, как это делают киношные полицейские, Джорджи продолжала целиться в голову мужчине. Женщина в розовом свитере беспомощно огляделась по сторонам, как будто ожидая чьей-то поддержки или приказа, но таковых не последовало. Она как-то обмякла и покорно произнесла:

– В кабинете есть коробка.

Кэнди схватила ее за руку и подтолкнула к двери, ведущей в каморку в задней части помещения.

Женщина в розовом вобрала голову в плечи и указала на коробку, стоящую на полу рядом со столом. Кэнди оттолкнула сотрудницу банка к двери, схватила коробку, поставила на стол и рывком сняла крышку. Пачки денег. Десятки, двадцатки, полтинники и сотни.

– Нашла! – крикнула Кэнди и быстро закинула содержимое ящика в наволочку.

– Уходим! – крикнула в ответ Джорджи. – Уходим!

Кэнди завязала узлом угол наволочки и перебросила ее через плечо, совсем как Санта-Клаус – мешок подарков. Выбежав в зал, бросилась к выходу. Мужчина в лыжной куртке стоял у стены с поднятыми руками. На его испуганном лице застыла нервная, кривая улыбка. За темными стеклами очков скрывались полные ужаса глаза.

– Над чем ты смеешься, гад? – взвизгнула Кэнди. – Над нами смеешься?

Улыбка сделалась шире. Мужчина шевельнул пальцами и испуганно ответил:

– Нет-нет, я не смеюсь.

– Пошел ты! – прошипела Кэнди и выстрелила ему в лицо.

Грохот выстрела в тесном помещении был подобен взрыву бомбы. Четыре женщины с визгом опустили вниз.

Мужчина рухнул на пол. Стену забрызгало кровью.

Джорджи развернулась и скомандовала:

– Уходим!

В следующую секунду налетчицы выскочили из здания.

* * *

– Давай! – произнес Дел, и Купичек нажал на тормоз.

Слоун уже двигался им навстречу. Дуэйн увидел его, но не успел даже удивиться.

Машина, проскрежетав шинами, остановилась буквально в трех дюймах от переднего бампера «Шевроле». В зеркало заднего обзора Дуэйн неожиданно увидел, как позади фургона остановилась вторая машина. Через секунду дверь со стороны пассажирского сиденья распахнулась, и из машины выскочил тот самый высокий негр из пиццерии и нацелил пистолет прямо в лицо Дуэйну.

– Не вздумай даже почесаться! – произнес Франклин своим приятным голосом, в котором, однако, слышалась угроза. – Просто сиди и не дергайся. – Он потянулся к рычагу пере-

ключения передач и поставил его в позицию «парковка». Затем заглушил мотор, вытащил ключ зажигания и бросил на пол. – Сиди тихо!

Внезапно непонятно откуда появились еще несколько человек, все со стороны пассажирского сиденья. Но Дуэйну было не до них. Оставаясь на мушке пистолета, который навел на него Франклин, он не сводил глаз с двери «Кредитного союза».

Парень слышал звук выстрела. Приглушенный, но тем не менее сомнений не оставалось – в банке стреляли.

– Черт! – выругался чернокожий и громко добавил: – Осторожно, там стреляют!

* * *

– Вперед! – крикнула Джорджи.

Волосы ее развевались, а сама она улыбалась, как девушка-революционерка из Южной Америки с какого-нибудь плаката. Джорджи прикрывала собой внутреннюю дверь, давая Кэнди возможность выскочить на крыльцо. После чего выбежала сама. Фургон был на месте. А рядом с ним – копы.

Женщины услышали крики, хотя Кэнди не разобрала ни единого слова. Она знала, что Джорджи вскинула пистолет у нее за спиной. Затем ее собственные пальцы разжались, и наволочка упала на землю, чуть левее. Пистолет в руке дернулся вверх. Кэнди уже почти нажала на спусковой крючок, когда заметила какого-то тощего мужчину. Его нос показался ей размером с крышку от банки супа «Кэмпбелл», и мушка пистолета взлетела еще выше.

* * *

Услышав выстрел внутри здания, Лукас отшатнулся в сторону, заметив при этом, как рефлекторно съежился Франклин. Шерилл оперлась на капот машины Купичека, нацелив пистолет на вход в банк. «Только бы они не выглянули в окно», – подумал Лукас.

Затем дверь распахнулась, и на крыльцо выскочили две женщины с пистолетами в руках.

– Не вздумайте стрелять! – раздался крик Дела.

В ответ Кэнди Лашез открыла стрельбу. Пистолет, который держала Шерилл, дернулся вверх.

* * *

Кэнди увидела мужчину с желтыми прокуренными зубами и черным зрачком пистолетного дула. Увидела темноволосую женщину. «Эх, будь у меня время, – мелькнула мысль. – Увы, слишком поздно...»

Кэнди ощутила, как в нее впиваются пули, услышала хлопки выстрелов, увидела лица как на фотографиях с пометкой «разыскиваются». Боли не было, а лишь толчки, словно грудь пронзили лучи света. Затем в глазах потемнело, и Кэнди почувствовала, как Джорджи падает с ней рядом. Кэнди ударилась головой о тротуар, ноги остались на крыльце. Она ждала света. Свет вернется и... Но ее встретила тьма.

* * *

– Прекратить огонь! – крикнул Лукас.

Через пять секунд после того, как две женщины выскочили из дверей банка, стрелять ему уже не было смысла.

В воздухе висел резкий запах бездымного пороха. Внезапно возникшую тишину нарушил чей-то возглас:

– О господи!

Глава 02

Здание мэрии Миннеаполиса – уродливая каменная громадина, где летом сыро, а зимой холодно. Оно вечно запружено полицейскими, преступниками, политиками, чиновниками, обывателями, журналистами, телезнаменитостями, разгневанными налогоплательщиками, и всем до единого запрещено курить внутри помещений.

Душок запретного дыма тянулся за Роуз Мари Рукс по темным коридорам с мраморными стенами от кабинета начальника полиции до отдела по расследованию убийств. Крупная женщина, склонная к дальнейшей полноте, лицом она была похожа на гончую, что неудивительно, если вы проработали в полиции столько лет. Роуз Мари остановилась перед дверью отдела, затянулась сигаретой и выпустила струю дыма.

В приоткрытую дверь Ру увидела Дэвенпорта. Он стоял, засунув руки в карманы. Костюм из синей шерсти, белая рубашка с длинным мягким воротничком и галстук от «Гермеса». Один из тех, вокруг кого вечно скачут восемь миллионов мелких лошадок. Политический назначенец, заместитель начальника, владелец бизнеса по продаже компьютерного софта стоимостью – по слухам – десять миллионов долларов.

Он о чем-то разговаривал с Шерилл и Слоуном.

Последний был тощим парнем с серым лицом. Вечно в чем-то коричневом, как будто для того, чтобы при необходимости стать неотличимым от стен. Он легко сходился с людьми и считался лучшим следователем в отделе. В тот день Слоун не вытаскивал пистолет и потому не был отстранен от работы.

Шерилл же выпустила из своего оружия шесть пуль. Она все еще не отошла от ужаса и экстаза, который иногда приходит после перестрелки. За несколько лет службы патрульным полицейским, что предшествовали учебе на юридическом факультете, Роуз Мари Рукс ни разу не приходилось применять оружие. Она его не любила.

Рукс какое-то время разглядывала всех троих. Затем покачала головой: да, похоже, дело швах. Докурив, она бросила окурочек на пол, раздавила его каблуком и вошла в кабинет.

Все трое оглянулись на нее. Роуз Мари кивком пригласила Лукаса выйти в коридор. Дэвенпорт последовал за ней и закрыл за собой дверь, чтобы не вводить в искушение любопытных Слоуна и Шерилл.

– Просьба остановить машину патрульным полицейским... когда тебе это пришло в голову? – спросила Рукс.

Ее слова эхом разлетелись по пустому мраморному коридору. Здесь их никто не мог услышать.

Лукас прислонился спиной к прохладной гладкой стене. На его лице появилась улыбка и тотчас исчезла. Почему-то улыбка придавала ему суровости, если не сказать жестокости. Он явно посещал качалку. Не регулярно, наскаками, но когда посещал, то выкладывался до седьмого пота. Когда Дэвенпорт раздевался, он напоминал кусок упругого сыромятного ремня. Роуз Мари отметила про себя очертания надбровных дуг под туго натянутой кожей.

– Это единственное, что нам осталось, – ответил Лукас, понизив голос.

Они понимали, о чем говорят.

– Оно сработало, – кивнула Роуз Мари. – Мы прослушали запись – она поможет остудить страсти. Ты, конечно, еще увидишь кровожадные реплики в передовице «Стар трибьюн». Будут задавать вопросы о том, как налетчицы проникли в банк и почему ты не вмешался сразу. Но я не думаю, что у тебя будут большие неприятности.

– Если бы их просто сцапали, дело дошло бы до парочки свидетелей с дурным прошлым, – сказал Лукас, – и девки снова оказались бы на свободе.

– Знаю, – вздохнула Роуз Мари. – Не уложи Лашез этого парня по фамилии Фаррис, неприятностей у нас было бы куда больше.

– Да, с Фаррисом нам повезло. – Лукас мрачно улыбнулся.

– Я не это имела в виду. – Роуз Мари отвела взгляд в сторону. – В любом случае Фаррис выкарабкается.

– Верно. Немного пластики на лице, кусок пластмассы в скуле, новые зубы, пересадка кожи на ухе...

– Я пытаюсь прикрыть тебя, – одернула его Роуз Мари.

– А мне почему-то кажется, что ты пытаешься смешать нас с дерьмом! – парировал Лукас. – Служащие банка в Райс-Лейк уже просмотрели запись с видеокамер «Кредитного союза». Нет никаких сомнений, что и там были обе бабенки Лашез. Они действовали точно так же: нейлоновые чулки на голове, кричали те же слова, вели себя так же. Тогда Кэнди Лашез убила кассира. Мы ждем известий от «Ледисмит и Клоке», но и там наверняка было то же самое.

Роуз Мари Рукс покачала головой:

– Но ты выбрал не лучшую тактику, хотя и беспрюирышную.

– Они вышли на улицу, они начали первыми, мы же просто ожидали их, – сказал Лукас. – Они первыми открыли стрельбу. Что нам еще оставалось делать?

– Я не критикую тебя, – поправила его Роуз Мари. – Просто говорю, что газеты задают вопросы.

– Может, тебе стоит сказать газетчикам, чтобы те засунули язык в известное место? – посоветовал Дэвенпорт. Его начальница активно занималась политикой и как-то раз даже намеревалась побороться за место в Сенате. – Сейчас, при нынешней конъюнктуре, это был бы неплохой политический ход.

Роуз Мари Рукс достала из кармана старомодный серебряный портсигар.

– Сейчас речь не о политике, Лукас. Я просто обеспокоена тем, что случилось. – Достав сигарету, она со щелчком захлопнула портсигар. – Такое ощущение, что вы их подставили. Чтобы самим превысить полномочия. Пока все в порядке. В Фарриса стреляли, а ты успел сделать запрос, чтобы машину грабителей остановили. Но в Кэнди Лашез шесть или семь дырок. Никто не поверит, что это все вышло случайно.

– Мы были готовы, – согласился Лукас.

– Значит, нужно ждать нового скандала, когда судмедэксперт даст заключение.

– Скажи там, чтобы не торопились, – предложил Дэвенпорт. – Ты же знаешь, как это делается. Через неделю-другую всем будет на это наплевать. До выборов же еще несколько месяцев.

– Да-да. И судмедэксперт идет на сотрудничество. Пока.

– Эти Лашез начали первыми, – стоял на своем Лукас. – Они убивали из спортивного интереса. Кэнди Лашез стреляла в людей, чтобы посмотреть, как те умирают. Так что поделом им.

– Тоже верно, – произнесла Роуз Мари и, махнув рукой, устало побрела к своему кабинету. – Отпускай всех домой. Комиссия по рассмотрению вашей стрельбы созывается завтра.

– Ты зла на нас? – бросил ей вдогонку Дэвенпорт.

– Нет. Просто настроение паршивое. Что-то многовато трупов у нас в этом году, – призналась Рукс. Она остановилась, щелкнула зажигалкой и закурила. В полумраке коридора кончик зажженной сигареты был похож на светлячка в ночи. – Слишком много людей убивают. Подумай об этом.

* * *

Когда Дэвенпорт вернулся домой, Уэзер Каркиннен занималась бумажной работой. Услышав, как Лукас вошел в кухню, она громко сообщила:

– Я в кабинете.

Через секунду Лукас появился на пороге с бутылкой пива в руках.

– Привет.

– Я пыталась дозвониться до тебя.

Уэзер была среднего роста, атлетически сложенной блондинкой с короткой стрижкой и широкими плечами. Высокие скулы и темно-голубые глаза говорили о ее финских корнях. Нос чуть великоват и с легкой горбинкой, как будто когда-то его сломали в драке. Не красавица, но на вечеринках мужчины старательно увивались за ней.

– Я видела по телевизору передачу о налете на банк.

– И что говорят? – спросил Лукас и, открутив крышечку с бутылки пива, сделал глоток.

– Что полиция застрелила двух женщин. Говорят, что стрельба была необоснованна.

Уэзер выглядела взволнованной. Она то и дело убирала волосы с лица.

– Не бери в голову. Мало чего там наговорят по телевизору, – покачал головой Дэвенпорт, чувствуя, что его душит злость.

– Лукас!

– Что?

Он весь ошетинился, и Уэзер это не понравилось.

– Ты злишься, – сказала она. – Что случилось?

– На меня спустили всех собак пресса и телевидение. Всем, черт возьми, не дает покоя вопрос: был ли это честный поединок? Почему, скажи на милость, поединок должен быть честным? Это ведь не игра. Мы не спортсмены, мы служители закона!

– Неужели ты не мог просто схватить их? Арестовать? Передать судье, навесив на них и другие ограбления банков в Висконсине?

– Не мог, – покачал головой Лукас. – Они всегда действовали в масках и пользовались краденными машинами. Тот случай в Ривер-Фоллз два года назад, когда Кэнди Лашез поймали по обвинению в вооруженном ограблении: парень, которого она ограбила, торговец автомобилями, две недели спустя был зверски избит до смерти, еще до суда. Свидетелей не нашлось, а у Лашез оказалось алиби. Копы из Ривер-Фоллз считают, что ее прикрыли старые дружки-подельники.

– Но твоя работа состоит не в том, чтобы их убивать, – возразила Уэзер.

– Послушай, я всего лишь достал оружие, но не сделал ни единого выстрела. То, что случилось, – это их собственный выбор, а вовсе не мой, – ответил Лукас.

Уэзер упрямо покачала головой.

– Не знаю. То, что ты делаешь, пугает меня, даже сильнее, чем я предполагала. – Девушка зябко обхватила себя руками. – Меня не столько беспокоит то, что может случиться с тобой, сколько то, что ты можешь с самим собой сделать.

– Я уже сказал тебе. – Дэвенпорт ощутил, как внутри нарастает раздражение.

– Лукас, – прервала его Уэзер. – Я знаю ход твоих мыслей. По телевизору говорили, что вы наблюдали за этими налетчицами целых девять дней. Мне почему-то кажется, что ты манипулировал ими, загонял их в западню. Не знаю, но у меня именно такое чувство.

– Чушь! – вспыхнул Дэвенпорт и собрался выйти из комнаты.

– Лукас!

Лишь выйдя в коридор, он понял, чем занималась Уэзер. Она писала приглашения на свадьбу. Он развернулся, снова вошел в кабинет и сказал:

– Господи... извини. Я не сержусь на тебя. Иногда... я не знаю, что на меня находит. Уэзер встала.

– Заходи, – пригласила она. – Садись.

Когда Дэвенпорт опустился на стул, девушка села ему на колени. Он в очередной раз удивился тому, какая она маленькая, какие у нее маленькие голова, руки, пальцы.

– Тебе нужно как-то снизить кровяное давление, – произнесла Уэзер.

– Для этого есть пиво, – отозвался Дэвенпорт.

– Поскольку я твой доктор, то имею право сказать, что одного лишь пива недостаточно. – Уэзер прижалась к нему.

– Да? Какое же еще лекарство ты мне пропишешь?

Глава 03

Чокнутый Ансель Баттерс ждал, когда же словит кайф.

– Наконец-то, – произнес он, почувствовав его приближение.

Декстер Лэм лежал на диване. Одна рука безвольно свисала вниз. Глаза пялились в потолок, весь в трещинах розовой штукатурки.

– А я что тебе говорил, чувак... Вставляет только так.

Жена Лэма была на кухне. Не сводя глаз с пластиковой столешницы, она тоже хрипло заныла:

– Эй, Декстер, куда ты положил пакетик? Я же знаю, что у тебя есть.

Ансель не слышал ее нытье. Он пролетал над кокаиновым пейзажем, мелькавшим в его голове: над зелеными холмами, красивыми женщинами, красными «мустангами» и золотистыми лабрадорами. Вся эта красота уместилась в одном комке удовольствия. Голова безвольно склонилась набок, длинные пряди свисали на лицо. Через двадцать минут наркотический кайф испарился, оставив после себя лишь выжженный след. Так бывает всегда. Это неотвратимо, как смена времен года.

У Баттерса в запасе оставалось несколько минут, и он пробормотал:

– Декс, нам нужно поговорить.

Лэм, набивавший еще одну трубку, оторвался от своего занятия и взглянул на приятеля глазами, мутными от передоза и хронического недосыпа.

– Чего тебе?

Его жена вышла из дальней части кухни, почесывая через тонкие трусы лобок.

– Куда ты дел пакетик, Декс? – спросила она.

– Мне нужно найти одного чувака, – проговорил Ансель, не обращая внимания на старуху Декстера. – Можно прилично заработать. Бабла будет столько, что можно купить курева на целый месяц. А мне нужна новая хаза где-нибудь неподалеку. С теликом, парой кроватей и все такое прочее.

– Я могу подогнать тебе новую хазу, – ответил Лэм и, указав на жену, добавил: – У моего шурина есть несколько домов, правда, говенных, но ты можешь пожить в одном из них. Но тебе придется притаранить туда кое-какую мебелишку. Кстати, могу подсказать, где можно купить ее по дешевке.

– Да мне и так сойдет.

Закончив набивать трубку, Декстер щелкнул дешевой зажигалкой и приготовился сделать затяжку.

– Какого чувака ты ищешь?

– Одного копа. Я ищу копа.

Жена Лэма, черноглазая, с запавшими щеками и тонким белым шрамом на лице, снова почесала лобок и спросила:

– И кто это такой?

Баттерс посмотрел на нее и ответил:

– Вот это я и сам хотел бы знать.

* * *

Билл Мартин приехал с Верхнего полуострова² на «Форде»-пикапе с ржавыми крыльями и прекрасно отлаженным восьмицилиндровым двигателем. Проехав проселочными дорогами через весь Висконсин, он остановился в какой-то придорожной забегаловке, где выпил пива и съел пару яиц вкрутую, затем остановился еще раз, чтобы на бензоколонке заправить машину, и переговорил с торговцем оружия из Эшленда.

Окружающий пейзаж удручал. Под синеватыми соснами и голыми деревьями поблескивала корка старого снега. Мартин часто останавливался, вылезал из пикапа, прохаживался туда-сюда, смотрел вниз с мостов, внимательно разглядывал следы на снегу.

Ему не нравилась эта зима. Сначала выпало много снега, но затем наступила слякоть, сменившаяся заморозками. В результате снег покрылся толстой коркой льда. Этот лед губителен для куропаток, а ведь их численность только начала постепенно восстанавливаться.

Мартин искал следы куропаток, но так нигде и не обнаружил. Искать медвежьи следы пока еще рано. Надо подождать недель шесть-восемь, тогда медведь выйдет на охоту, сильный и быстрый. Молодому черному медведю не проблема догнать лошадь. Ничто так не прочищает пазухи носа, как неожиданная встреча со старым голодным медведем, когда ты оказался перед ним на снегоступах, а в руках у тебя всего лишь пластиковая фляжка.

В два часа дня, держа курс на юг, Мартин увидел койота, разрывавшего какую-то живность среди высокой, выше щиколотки, желтой травы, пробившейся из-под снега возле ручья. Наверное, ловит мышей-полевок.

Мужчина съехал на обочину, достал дальномер производства фирмы «Бош энд Лом» и самозарядную винтовку AR-15. Дальномер показал расстояние 305 футов. Мартин сделал поправку в девять дюймов плюс-минус два дюйма вправо-влево. Опершись на переднее крыло, он поднял мушку на пару дюймов выше лопатки хищника и нажал на спусковой крючок. Пуля впиалась чуть ниже выбранной цели. Койот взлетел в воздух и неподвижной массой рухнул на землю.

– Готово! – произнес себе под нос Мартин и радостно оскалился.

Отличный был выстрел.

В Грантсбурге Билл пересек реку Сен-Круа и даже остановился полюбоваться ее заснеженной поверхностью, испещренной бесчисленными следами снегоходов, после чего неохотно выехал на шоссе I-35. «Федеральные автострады похожи на шрамы на теле страны», – подумал он. Когда нужно что-то поближе рассмотреть, близко не подъедешь. Зато они удобны, когда нужно быстро скрыться.

Последнюю остановку Мартин сделал севернее городов-близнецов, позвонил по телефону и дальше поехал без остановок.

* * *

Баттерс ждал автомобиль возле бензозаправки «Амоко», на съезде с шоссе I-94. Возле его ног на земле лежала спортивная сумка цвета хаки. Мартин остановился на обочине. Баттерс залез в машину и скомандовал:

– Езжай вперед, потом развернись назад и вниз.

Мартин дождался сигнала светофора и спросил:

– Как сам?

² Верхний полуостров – северная часть штата Мичиган, выступ, образующий полуостров, омываемый водами озер Мичиган, Гурон и Верхнее.

– Устал, – ответил Баттерс.

Его маленькие глазки действительно казались сонными.

– Ты всю прошлую осень ныл, что устал, – сказал Мартин.

Тогда они с Баттерсом проехали через весь штат Теннесси – это была одна из поездок, когда они продавали оружие. Время от времени напарники останавливались пострелять белок.

– А сейчас еще сильнее, – отозвался Баттерс и оглянулся. – Что привез?

– Три «чистых» пистолета, три китайских «калаша», две модифицированные винтовки AR-15, арбалет, полдюжины стрел и свой нож, – перечислил Мартин.

– Арбалет тебе вряд ли понадобится, – сухо заметил Баттерс.

– Им удобно пользоваться, – ответил Мартин. У него была внешность типичного охотника. Мускулистое тело, круглая голова, красное прыщеватое лицо, темно-рыжая борода. – Где тот парень, с которым мы должны встретиться?

– В Миннеаполисе. Где-то на окраине. Возле крытой спортивной арены.

Мартин усмехнулся усмешкой убийцы койотов.

– Ты как следует выяснил, кто он такой?

– Как следует.

Напарники выехали на шоссе I-94, ведущее на Миннеаполис. Затем свернули на выезде с Пятой улицы, купили в центре города пиццу, после чего вернулись на Одиннадцатую авеню. Баттерс подсказал Мартину, как подъехать к двухэтажному кирпичному дому, на первом этаже которого располагалась прачечная-автомат, а на втором – квартиры. Здание было старым, но ухоженным: возможно, в 1940-х здесь располагался бакалейный магазин, куда приходили жившие по соседству семьи.

В окнах квартиры горел свет.

– Он хозяин прачечной, – сообщил Баттерс. – Верхний этаж – одна большая квартира. Живет там вместе со своей подружкой. – Он посмотрел на освещенные окна. – Она, должно быть, сейчас там, потому что он поехал в центр. Этот парень держит своих ребят до самого закрытия. Прошлой ночью вернулся часа в два и принес пиццу.

Мартин посмотрел на часы «хроноспорт» армейского образца, с черным циферблатом и светящимися стрелками.

– У нас есть примерно час. – Он снова взглянул на окна дома. В квартиру вела только одна дверь. – Где тот гараж, о котором ты говорил?

– За углом с той стороны. Там есть пожарная лестница, но она высоко, чтобы до нее можно было дотянуться. Прошлой ночью он заехал в гараж – у него в машине есть пульт от двери, – и дверь за ним закрылась. Потом через минуту в задней части его квартиры зажегся свет, так что внутри наверняка есть лестница. Затем он вышел наружу через гараж, заглянул за угол и вернулся в прачечную. Он был в задней части дома, скорее всего выключал машины.

Мартин кивнул.

– А передней лестницей он не пользуется?

– Нет. Может, там что-то такое и есть, но я не видел.

– Отлично. Будем брать его в гараже?

– Да. А пока давай поедем пиццу. Нам нужна лишь коробка, а Харпу есть вряд ли захочется.

Напарники ели и болтали, не обращая внимания на запахи бензина, соломы, ржавчины и машинного масла. Вытерев бороду бумажным носовым платком, Мартин спросил:

– Что там слышно от Дика?

– Ни черта не слышно от диканутого Дика³, – ответил Баттерс. Он не стал ждать, когда собеседник посмеется его шутке. Мартин никак не отреагировал, хотя Баттерс знал: юмор он понимает. – В прошлый раз, когда я напрямую с ним разговаривал, он, типа, сказал, что неплохо бы куда-нибудь свалить.

Мартин дожеввал, проглотил кусок и произнес:

– Нормальное желание.

– Верно, – согласился Баттерс; он и сам был не прочь куда-нибудь свалить. – Но если мы будем мочить копов, нужно, чтобы этот чувак был при мозгах.

– Это зачем? Сам пытаешься увильнуть?

Баттерс немного подумал, затем как-то печально улыбнулся и покачал головой:

– Да нет.

– Я тут подумывал о том, чтобы податься на Аляску и поселиться где-нибудь в лесу, – сказал Мартин после короткой паузы. – Знаешь, после того как мне позвонили. Но они достанут тебя даже на Аляске. Они тебя повсюду выследят. Я устал от них. Так что пора действовать. Поэтому, когда я получил весточку от Дика, то решил, что приеду сюда.

– Я не разбираюсь в политике, – отозвался Баттерс. – Но я в долгу перед Диком. И самая пора отдать ему долг, потому что я, к такой-то матери, устал.

Мартин пристально посмотрел на собеседника.

– Если ты так устал, какой тебе смысл бояться копов? Или чего-то еще?

Приятели еще минуту продолжали жевать пиццу.

– Верно, – согласился Баттерс и чуть погодя добавил: – Я тебе говорил, что моя собака околела?

– Вот из-за таких вещей и устают, – подытожил Мартин.

* * *

Работая, Деймон Харп насвистывал, как те семь гномов. Он всегда насвистывал. В отличие от Белоснежки и ее дружков, Харп продавал кокаин и всевозможные колеса малым оптом, снабжая с полдюжины надежных торговцев, работавших в клубах, барах и кегельбанах Миннеаполиса и его пригородов.

В карманах пальто у Харпа лежали семь тысяч долларов. Свернув на своем «Линкольне» на Одиннадцатую улицу, он насвистывал мелодию баховского менуэта из тетради Анны Магдалены в соль мажор.

Рядом с его прачечной стоял какой-то белокурый парень с коробкой из-под пиццы и смотрел на окна квартир. Харп уставился на него. Ему и в голову не пришло оглянуться, припаркован ли рядом фургон доставки.

Деймон свернул за угол и нажал на кнопку пульта. Дверь гаража открылась. Въезжая в гараж, Харп заметил, как парень с любопытством посмотрел на него. Заглушив мотор, он вылез из машины. Парень шел по тротуару, держа перед собой коробку с пиццей. Деймон подумал: «Если эта сучка Жас заказала пиццу, когда осталась одна наверху в квартире, то...»

Он ждал, пока к нему подойдет парень с пиццей. В следующий момент Мартин остановился у Харпа за спиной, прижал к его уху пистолет и шепнул:

– Возвращайся в гараж!

Деймон вздрогнул, но тут же проявил самообладание, поднял руки и зашагал назад к гаражу.

³ Игра слов: dick (англ. сленг) – мужской половой орган.

– Все путем! – произнес он, не желая, чтобы тип с пистолетом занервничал. Харпу и раньше приставляли пистолет к голове, и он знал, что человека с оружием нельзя злить. Впрочем, в следующей его фразе прозвучала легкая угроза. – Знаешь, кто я такой?

– Деймон Харп. Негритос, торгующий наркотой, – произнес Мартин.

«Плохи дела», – осознал Деймон.

Парень с пиццей вошел в гараж, нашел светящуюся кнопку пульта и нажал на нее. Дверь закрылась. Мартин подтолкнул Харпа к лестнице в дальнем конце гаража.

– Стань сюда! – приказал он.

Харп прижался к стене, поднял руки и широко расставил ноги.

– У меня нет оружия, – произнес он и, посмотрев вбок, на Мартина, добавил: – Вы не копы.

– Нам было бы стыдно, соври ты нам про оружие, – сказал Мартин.

Его молодой спутник обыскал Харпа и вытащил из кармана пачку денег.

– Ого, – удивился он. – Спасибо.

Харп промолчал.

– Предлагаю сделку, – сказал Мартин, когда Баттерс спрятал деньги. – Нам нужна от тебя кое-какая информация. Мы против тебя ничего не имеем. Но если будешь тупить, пеняй на себя. Так что тебе с нами лучше поладить.

– Что вам надо? – спросил Деймон Харп.

– Давай поднимемся наверх, – произнес Баттерс с мягким говорком уроженца Теннесси.

Харп покосился на него. Во внутреннем уголке левого глаза Баттерса виднелась татуировка – три темно-синие слезы⁴. «Ох-хо-хо», – мысленно вздохнул Деймон.

* * *

Втроем они поднялись по лестнице. Южанин подталкивал Деймона пистолетом в спину. Второй прижимал пистолет к его виску. Оба напряглись, когда Харп начал открывать дверь.

Откуда-то из глубины квартиры раздался женский голос:

– Деймон, это ты?

Баттерс шагнул в сторону и бесшумно прошел по коридору. Мартин остался с Харпом. Из-за угла появилась женщина. Она вздрогнула, когда к ней подскочил Баттерс. Он схватил ее за руку, показал пистолет и приказал:

– Молчи!

Женщина не произнесла ни звука.

Через пять минут Харп и его подружка были крепко привязаны к стульям. Руки женщины лежали на коленях, туловище и плечи – приотнаты к спинке стула скотчем. В рот ей засунули носок, который закрепили, обмотав лицо двумя-тремя слоями того же скотча. Женщина испуганно переводила взгляд темных глаз с Харпа на того из белых мужчин, который оказывался в поле ее зрения.

Мартин и Баттерс проверили квартиру. Изнутри площадка перед входной дверью оказалась заблокирована штабелями картонных коробок из-под бытовой техники, выполнявших роль своего рода сигнализации и буфера на тот случай, если в квартиру попытается войти полиция. В то же время, при необходимости, коробки позволяли легко выйти через дверь на улицу.

⁴ Слеза у глаза – одна из самых распространенных тюремных татуировок в США и означает как минимум одно убийство, совершенное ее носителем.

Баттерс проверил две спальни, но не нашел там ничего интересного, за исключением коллекции виниловых джазовых пластинок на тридцать три оборота.

– Чисто, – сообщил он, вернувшись к входной двери.

Мартин сел на третий стул и, упираясь коленями в колени Харпа, произнес:

– Ты наверняка знаком с такими людьми, как мы. Встречался с ними в тюрьжке. Нам плевать на черномазых, и мы с радостью перережем тебе глотку. Но пока нам это не нужно. Нам нужно, чтобы ты познакомил нас со своим корешем.

– С которым? – уточнил Деймон.

– С тем копом, который тебя крышует.

Харп попытался изобразить удивление.

– Нет никакого копа.

– Мы знали, что ты станешь упираться, но у нас времени в обрез, – сказал Мартин. – Сейчас мы продемонстрируем тебе нашу... э-э-э... искренность, – осторожно подбирая слова, добавил он. – Слегка покроем твою подружку.

– Мать твою! – процедил Харп, ни к кому конкретно не обращаясь. Скорее это было выражение собственного бессилия.

Мартин так это и воспринял. Женщина испуганно выпучила глаза и затряслась от ужаса. Мартин, не поворачиваясь, бросил через плечо:

– Ансель, поищи-ка на кухне нож.

На улице перед прачечной не было ни души, что с радостью отметили оба – и Мартин, и Баттерс. Потому что Харп сразу не заговорит, и на какой-то миг даже при закрытых окнах на улице могут услышать заглушенный кляпом вопль Жасмин.

* * *

Тюрьма штата Мичиган приставила к Дику Лашезу только одного конвоира. Лашез отмотал четыре года из девяти и хорошим поведением заслужил репутацию заключенного, не склонного к побегу. Этак он может выйти на свободу уже через пару лет. На него надели наручники и кандалы, и вместе с конвоиром Уэйном Сэндом отправили самолетом в О-Клер. Это было вечером, через восемь дней после перестрелки в Миннеаполисе.

Во время полета Уэйн Сэнд читал роман Маргарет Аллан «Последний мамонт». Ему нравились такие книжонки про доисторические времена, волшебство и прочую хрень подобного рода. «Живи я в те дни, наверняка был бы вождем какого-нибудь племени, – думал Сэнд. – В любом случае был бы крутым парнем».

Лашез уткнулся в журнальчик про искусство татуировки. Он и сам был весь в татуах. На обеих накачанных в спортзале руках красовались изображения суперженщин из научно-фантастических комиксов, с сиськами размером с футбольный мяч и львиной гривой волос, а также орлов, тигров, кинжалов и драконов. Здесь же были четыре имени. Два на правой руке – Кэнди и Джорджи. Два на левой – Харли и Дэвидсон.

Эти татуировки были сделаны еще на воле, в тату-салоне. Спину и ноги украшали другие картинки. Эти уже были сделаны в тюрьме с помощью иглы от швейной машинки и пасты из шариковой ручки. Этим татуировкам недоставало утонченности, зато в них чувствовалась некая грубая мощь, которая была по душе Дику Лашезу. Чисто эстетическое суждение.

Когда шасси самолета коснулись земли, Лашез отложил журнал в сторону и посмотрел на Сэнда.

– Как насчет «Макдачницы»? Парочки биг-маков?

– Может быть. Только не пытайся сбежать, – недовольным тоном произнес конвоир.

Уэйн Сэнд был обрюзгший, малоприятный тюремный бюрократ. Сегодня он вам улыбается, а завтра ни за что ни про что вкатит карцер. Он наслаждался своей властью, хотя имелись среди начальства личности и похуже. Когда самолет приземлился, Сэнд вывел Лашеза из салона и приковал цепью к сиденью взятого напрокат «Форда».

– Так как насчет «Мака»? – снова спросил Лашез.

Сэнд на секунду задумался.

– Нет. Хочу поскорее добраться до мотеля. Там по телику вечером будут показывать матч.

– Может, все-таки для начала в «Макдоналдс»?

– Заткнись! – рявкнул Сэнд с привычной бесцеремонностью тюремщика.

На ночь он оставил Лашеза в тюрьме округа О-Клер, а утром посадил заключенного в машину и отвез на похороны в Колфакс. Мать Лашеза ждала на крыльце похоронного бюро Логана. Рядом с ней была Сэнди Дарлинг, сестра Кэнди. Неподалеку, с работающим мотором, стояла машина шерифа. В салоне, читая газету, сидел помощник шерифа.

* * *

Эми Лашез производила впечатление типичной провинциалки: полная, коротко стриженная черноглазая брюнетка с жирной кожей и тоненькой ниточкой усиков – в черном платье с белым воротничком, поверх которого накинута синяя нейлоновая парка. На голове шляпка в стиле 1930-х, украшенная черной траурной вуалью, свисавшей на лоб.

Сэнди Дарлинг была ей полной противоположностью. Маленькая, стройная. Квадратный подбородок, узкое, обветренное лицо. В уголках глаз, несмотря на молодость, тонкая сеточка морщинок. Сэнди исполнилось двадцать девять, ее сестра была на четыре года старше. Тоже блондинка, как и Кэнди, однако волосы подстрижены коротко, в ушах простые жемчужные сережки.

Но если у Кэнди цвет лица был как у типичной висконсинской фермерши, то нос и лоб ее младшей сестры щедро усыпали веснушки. Поверх длинного черного платья Сэнди надела черное шерстяное пальто. На руки натянула черные кожаные перчатки, а из-под платья виднелись черные ковбойские сапожки с серебряными мысками. Голову венчала белая ковбойская же шляпа.

Когда машина подъехала, Эми Лашез спустилась с крыльца. Сэнди Дарлинг осталась стоять на прежнем месте, крутя в руках шляпу. Уэйн Сэнд отомкнул замок, вылез из салона и встал между Эми и дверцей автомобиля. Открыв ее, он выпустил наружу Дика.

– Это моя мать, – сказал Дик Сэнду.

Лашез отличался высоким ростом. Широкие массивные плечи, глубоко посаженные черные глаза, длинные волосы, впалые щеки, поросшие густой щетиной, давно превратившейся в бороду. Крепкие и толстые, как сосиски, пальцы. Наряди его в мантию, перед вами был бы вылитый пророк Иеремия.

– Понял, – отозвался Сэнд и повернулся к Эми: – Я должен проверить вашу сумочку.

Помощник шерифа вылез из машины и кивнул Сэнду. Эми протянула ему свою сумочку.

– Все в порядке? – спросил помощник.

– Да, конечно, – ответил Сэнд и подошел ближе, чтобы поболтать. Лашез никуда не денется.

* * *

Эми поцеловала сына в щеку сухим поцелуем.

– Они застрелили их, как собак, – сообщила она.

– Я знаю, мама, мне рассказали, – ответил Дик.

Посмотрев на стоящую на крыльце Сэнди Дарлинг, он коротким кивком поздоровался с ней.

– Их подставили, – добавила Эми и сморщила нос, как бы подчеркивая смысл своих слов. – Этот козел Дуэйн Кейл, должно быть. Это он подставил их. С ним самим ничего. Лишь несет какую-то чушь. Он расскажет копам все, что им нужно. Набрешет, как пес.

– Знаю, – повторил Дик.

Мать была не шутку озабочена, ведь Кэнди после налетов иногда отстегивала ей деньги.

– И что ты будешь делать? – требовательно спросила Эми. – Ведь это были твоя сестра и твоя жена.

Она крепко схватила сына за руку и изо всех сил сжала.

– Знаю, мама, – в третий раз повторил Дик. – Но пока я мало что могу сделать. – Он поднял руки, чтобы мать увидела наручники.

– Это же надо, – простонала Эми, не отпуская сына. – Наплевать на все. Знай себе отдыхает в своей теплой камере, где его кормят и поят...

– Пойдем в часовню, – оборвал ее Дик. – Я хочу посмотреть на них.

Эми отпустила сына и сделала шаг назад.

– Они в закрытых гробах, – пояснила она.

– Гробы можно открыть, – угрюмо возразил Дик.

Сэнди по-прежнему стояла на крыльце, наблюдая за встречей матери и сына. Затем развернулась и вошла внутрь.

* * *

Логан, директор похоронного бюро, был невысокий, лысеющий человек с неаккуратными, как будто проеденными молью усами. Лицо серое, нездоровое, а вот руки, напротив, красные. Разговаривая, Логан постоянно потирал их так, будто мыл под струей воды.

– В подобном случае, мистер Лашез, мы не можем отвечать за конечный результат, – сказал он, нервно поглядывая на закованные в наручники запястья Дика.

– Откройте гробы, – приказал Дик.

Логан послушно оттянул защелки на крышках гробов и отступил в сторону. Лашез подошел ближе и поднял крышки.

Кэнди, его жена. Ее убили несколькими выстрелами, но пулевые отверстия в теле скрыты погребальным платьем. Правда, след пули, попавшей в нос, виден. Нос подправлен руками гримера, восстановлен заново какой-то пастой. В остальном Кэнди выглядела такой же красивой, как в тот день, когда Дик впервые увидел ее в универмаге «Уолмарт». Лашез смотрел на нее целую минуту. Он подумал, что мог бы проронить хотя бы одну слезинку. Но так и не проронил.

Джорджи выглядела хуже. Она получила по меньшей мере три пули в лицо. Хотя работники похоронного бюро постарались придать ей пристойный вид и по возможности сшить разорванные ткани, было ясно, что с черепом Джорджи сделать почти ничего не удалось. Тело, лежащее в гробу, напоминало живую Джорджи не больше, чем пластмассовая кукла. Его сестра.

Дик вспомнил одно далекое Рождество, когда у них в доме стояла елка. Ему тогда было лет девять или десять. Кто-то подарил сестре пижаму с пришитыми к ней носочками, и она очень радовалась такому подарку.

– Мои носочки, – твердила Джорджи. – Мои ножки будут в носочках.

С тех прошло двадцать пять лет, и вот она перед ним: голова – словно футбольный мяч... Дику вновь захотелось расплакаться, и вновь глаза остались сухими.

Логан, с бледным лицом, откашлялся и произнес:

– Мистер Лашез!

Дик кивнул.

– Вы все сделали, как надо. Где священник?

– Должен быть здесь. Подойдет с минуты на минуту.

Обрадованный похвалой, Логан энергично потер руки. Дику они почему-то напомнили воробьев у кормушки.

– Можно мне побыть здесь до начала отпевания? – спросил Лашез. – Хочу проститься с ними. Не хочу разговаривать с матерью.

– Понимаю вас, – отозвался Логан. Он действительно понимал, потому что уже пообщался с Эми Лашез после того, как к нему по распоряжению судебно-медицинского эксперта округа Хэннепин доставили оба мертвых тела. – Мы перенесем Кэнди и Джорджи в часовню. Когда появится преподобный Пайл, я вернусь сюда и позову вас.

– Отлично, – кивнул Дик. – У вас есть здесь торговый автомат с кока-колой?

– Да, есть, в служебном помещении, – ответил Логан.

– Хочу колы. Я вам заплачу.

– Нет-нет, в этом нет необходимости.

Дик посмотрел на своего конвоира.

– Хочешь колы, Уэйн? Я куплю тебе.

Сэнд выпивал в день пятнадцать банок диетической колы без кофеина, и, если не получал в какой-то час нужную дозу, у него начинала болеть голова. Лашез это знал.

– Валяй, – ответил тюремщик. – Кола – вещь хорошая.

– Тогда я отдам распоряжения, – сказал Логан. – Автомат с колой вон там. За этой дверью.

И он махнул рукой в сторону двери с табличкой «Служебное помещение».

* * *

Комната, что располагалась за дверью со скромной табличкой «Служебное помещение», была до потолка завалена картонными упаковками от гробов. Здесь же хранились с десяток сложенных зеленых тентов, предназначенных для дождливых дней, автопогрузчик и верстак. Автомат с колой стоял прямо перед дверью: старомодный, красного цвета кулер, который открывался сверху. В нем лежали примерно дюжина банок классической колы и пара банок колы диетической, «прохлаждавшихся» в ледяной воде глубиной пять дюймов.

– Достань мне диетическую, – заявил Сэнд, заглянув в воду.

Он следил за своим весом.

Лашез запустил руку в кулер и достал банку обычной и банку диетической колы. Когда он вновь повернулся лицом к Сэнду, из-за стопки тентов бесшумно появился Чокнутый Ансель Баттерс с пистолетом в руках. А в следующий миг он приставил дуло к голове тюремщика:

– Не рыпаться!

Сэнд застыл на месте и посмотрел на Лашеза:

– Только не делай мне больно, Дик.

– Давай ключи! – потребовал тот.

– Ты совершаешь ошибку, – произнес Сэнд, выпучив от испуга глаза.

«Сейчас он грохнетя в обморок», – подумал Лашез.

– Гони ключи или пеняй на себя! – рявкнул Баттерс. Его голос напоминал скрежет напильника по медной трубе.

Сэнд дрожащими пальцами вытащил из кармана ключи, и Дик протянул ему руки. Освободившись от наручников, Лашез помассировал запястья, взял у Сэнда ключи и снял с ног кандалы.

– Помощник шерифа по-прежнему в машине? – спросил он у Баттерса.

– Когда я входил, он был там, – ответил Баттерс. Вытащив из кармана куртки пятизарядный револьвер «бульдог» сорок четвертого калибра, он протянул его Дик: – Держи своего «пса».

– Спасибо. – Лашез сунул револьвер себе за пояс. – На чем ты приехал?

– На пикапе Билла. Он ждет за углом.

– Маман тебя видела?

– Нет, ты что. Меня никто не видел.

Лашез подошел к Сэнду и слегка его развернул.

– Отлично, Уэйн. Я сейчас надену на тебя наручники. И ни звука, потому что если ты пикнешь прежде, чем мы уберемся отсюда, мы вернемся и кое-что с тобой сделаем.

– Я буду молчать, – пролепетал тюремщик, дрожа от страха.

– Боишься? – спросил Лашез.

– Боюсь.

– Это хорошо – значит, не станешь делать глупостей, – сказал Дик.

Защелкнув на руках Сэнда наручники, он приказал:

– Ложись!

Сэнд неуклюже лег на пол. Сзади подошел Баттерс и пять-шесть раз обмотал скотчем ему ноги. Когда он закончил, Дик забрал рулон скотча и, надавив коленом тюремщику на спину, заклеил ему рот, трижды обмотав вокруг головы липкую ленту. Затем снова повернулся к Баттерсу:

– Дай-ка мне свой нож.

Баттерс протянул ему черную «выкидушку». Сэнд испуганно заерзал под коленом Лашеза.

Дик схватил тюремщика за волосы и приподнял ему голову выше:

– Зря ты не купил мне биг-мак.

Он ударил Сэнда лицом об пол, затем еще раз.

– Дебил!

И снова приподнял его голову, чтобы взглянуть на выпученные от ужаса глаза Сэнда.

– Знаешь, как свиньям перерезают горло?

– Нам пора! Делаем ноги! – произнес Баттерс. – Нельзя нам тут больше оставаться.

Сэнд задергался и что-то испуганно промычал.

Лашез на миг отпустил голову жертвы, наслаждаясь ее страхом, после чего полоснул Сэнда по горлу, распоров его от уха до уха. На бетонный пол фонтаном брызнула кровь. Сэнд снова задергался, но Лашез врезал ему в спину коленом. Сэнд затих. Тот глаз, что был повернут к Лашезу, начал мутнеть.

– Пора валить отсюда, – напомнил Баттерс.

– М...ла, – произнес Лашез.

Он отпустил голову тюремщика и вытер нож о его куртку, затем сложил и протянул Баттерсу.

– Представляю, как им придется тут повозиться, чтобы вытереть кровищу, – заметил тот, глядя на мертвое тело. – Ненавижу кровь на бетонном полу.

– Мы пришлем им карболки, – глумливо пообещал Лашез. – Пошли!

– Можно подумать, она им поможет, – отозвался Баттерс, когда они направились к выходу. – Им ничего не поможет. Пятна все равно останутся, да и вонять долго будет.

* * *

Они вышли через дверь на задний двор похоронного бюро. Баттерс сел на водительское сиденье. Его тощее, осунувшееся лицо с длинным, как у дятла, носом, обрамляли светлые патлы. Лашез устроился на полу салона перед пассажирским сиденьем.

Когда выехали на улицу, он приподнялся и посмотрел назад, на заведение Логана. Машина помощника шерифа стояла на прежнем месте. О случившемся пока еще никто не знал, но в любом случае следует поторопиться, потому что через пару минут за ними точно бросятся в погоню.

– Поедем на стоянку автоприцепов? – спросил Лашез.

– Да, туда.

– Ты был там?

– Был, а как же. Там есть электричество, колонка с водой и сортир. Можешь спокойно перекантоваться пару дней, пока мы не сделаем свои дела в городе. Мартин сегодня весь день проторчит там – ждет, когда привезут мебель.

– Вы нашли того копа?

– Нашли. Прошлой ночью перетерли с ним, я и Мартин. Теперь у нас есть коп по имени Энди Стадик. Он работает с наркоторговцем, которого зовут Харп. Крышует его. Этот самый Харп щелкнул несколько фоток, и теперь они у нас.

– Отлично. – Они переехали по мосту через реку и выехали за пределы города. – Как там старина Мартин?

– Как всегда. Но этот Элмор – мнительный сукин сын. Мы сказали ему, что нам с Биллом на несколько дней нужна крыша над головой. Пришлось припереть его к стенке, чтобы он согласился пустить нас в свой прицеп.

– Вот гад! – покачал головой Лашез. – Знай он, что я снова на воле, точно обмочился бы от страха.

– Надо приглядеть за Сэнди, – сказал Баттерс.

– Угу. Правильно, – подтвердил Лашез. – Она – опасная штучка. В прицепе не стоит особенно засиживаться. Смотаемся оттуда как можно быстрее.

Баттерс покосился на него:

– Ты с Сэнди никогда не?...

– Нет, – ухмыльнулся Лашез. – Хотя не откажусь.

– Гребаная ковбойша, – согласился с ним Баттерс.

Он уверенно вел машину, ловко маневрируя по лабиринту проселочных дорог. Баттерс уже раз пять или шесть проезжал по этому маршруту. Через сорок минут после убийства Сэнды сообщники уже были возле автоприцепа, по пути так и не встретив ни одной машины.

– Эх, вот она, воля, – проговорил Дик.

– По крайней мере, пока, – уточнил Баттерс.

– Тоже верно. – Лашез машинально потер запястья там, где еще недавно были наручники.

* * *

Логан, словно ненормальный, влетел в часовню, опрокинув при этом полдюжины складных стульев и едва не сбив с ног Эми, подергал ручку парадной двери и выбежал наружу.

Сэнди недоуменно посмотрела на стоявшую по ту сторону гробов миссис Лашез.

– Что это с ним? – спросила Эми.

– Понятия не имею, – ответила Сэнди, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

Через десять секунд в часовню вбежал коп, до этого сидевший в машине перед входом в похоронное бюро. Двумя руками сжимая пистолет, он навел его сначала на Сэнди, затем на Эми, после чего обвел дулом помещение часовни.

– Всем стоять! Не двигаться!

– В чем дело? – поинтересовалась Эми, прижимая к груди сумочку.

Из-за спины помощника шерифа выглянул испуганный Логан:

– Мистер Лашез сбежал.

Эми хрипло вскрикнула, издав что-то похожее на карканье вороны, убивающей сову. Звук одновременно радостный и противный.

– Слава богу!

– Молчать! – рявкнул помощник шерифа и снова навел на миссис Лашез пистолет. – Где его конвоир? Где он?

Логан показал большим пальцем себе за спину:

– Там.

– С ним что-то случилось? – спросила Сэнди.

Помощник шерифа бросился в указанную Логаном дверь.

– Он мертв. Лашез перерезал ему горло, – сообщил Логан.

– О нет! – вырвалось у Сэнди.

Она даже зажмурила глаза.

* * *

Патрульная машина прибыла через пять минут. Затем приехали еще двое помощников шерифа. Они развели Сэнди и Эми по разным комнатам.

– И чтобы ни звука, – приказал один из полицейских, толстый мужчина по имени Граф, как явствовало из бейджика на его форме.

«Дик явно скрывается в автоприцепе, принадлежащем папаше Элмора», – решила Сэнди. Куда еще он мог деться? Когда Элмор сообщил Сэнди о том, что Мартину и Баттерсу нужно жилье, эта история сразу вызвала у нее подозрения.

Однако проблема состояла в другом. Сэнди – сестра Кэнди, свояченица Дика Лашеза. Она находилась там, где убили человека и откуда сбежал Дик. Сейчас он прячется в автоприцепе, который принадлежит выжившему из ума старику, ее свекру.

Сэнди помнила, как Дика Лашеза посадили в тюрьму за сговор с целью убийства. Теперь копы сделают с нею то же самое, причем улик у них будет куда больше.

Женщина села, чувствуя, как ее бьет дрожь, но не потому, что ей было холодно. Она отчаянно пыталась придумать, что ей делать дальше.

* * *

Поломанный автоприцеп стоял посреди покрытого ледяной коркой снега, напоминая серебряную пулю. Лашез и Баттерс подъехали по снежной целине ближе, затем оба вылезли на холод. Баттерс открыл дверь прицепа.

– Я заезжал сюда утром. Закинул немного жратвы и поехал к тебе. Тут поблизости никого нет, но ночью все-таки не включай свет, – посоветовал он. – О дыме не беспокойся. Электрика работает. Я включил насос и запустил водонагреватель. Так что от холода точно не околеешь.

– Ну, ты молоток, Ансель, – похвалил Лашез.

– Долги нужно отдавать, – ответил Баттерс и добавил: – Тут есть телик и радио. Правда, телик показывает только один канал, а радио ловит всего две станции, но зато по обеим крутят кантри.

– Отлично. – Лашез огляделся по сторонам. Затем обернулся и посмотрел на Баттерса, как человек обычно смотрит на насекомое. – Ансель, ты мне уже много лет ничего не должен. Но кое-что хотелось бы знать точно.

– Ну? – спросил Баттерс и бросил взгляд сначала на Лашеза, а затем на окошко над кухонной раковиной.

– На тебя можно рассчитывать?

Ансель снова посмотрел на Дика и отвернулся. Трудно заставить Чокнутого Баттерса смотреть вам прямо в глаза. Не только сейчас, но и вообще.

– Вроде да. Я устал. Ну, ты понимаешь, что я имею в виду? Устал как собака.

– Только без твоих чокнутых фокусов, – предупредил Лашез.

– Не буду, пока не придет время. Но мне недолго осталось коптить небо.

Эти слова прозвучали удивительно спокойно, без всякой наигранности.

– Не пори чушь, Ансель, – произнес Дик Лашез. Произнес мрачно, но абсолютно не желая оскорбить собеседника или оскорбиться самому.

– Как-то раз ночью я съехал с федеральной трассы. Над головой – огни фонарных столбов. И я увидел тень совы с распростертыми крыльями. Тень падала на дорогу впереди меня. Крылья огромные, шесть или восемь футов в размахе. И тень тоже огромная. Я видел на крыльях каждое перышко. Если это не знак, то что?

– Может, и знак, но у меня здесь важное дело, – отозвался Лашез. – У нас у всех здесь важное дело.

– Верно, – кивнул Баттерс. – Не бойся, я не подведу.

– Вот это я и хотел от тебя услышать, – сказал Лашез.

Глава 04

Служащая полиции по имени Энн-Мэри постучала в дверь кабинета и, слегка ее приоткрыв, сунула внутрь голову.

– Лестер просил узнать у вас, помните вы такого Дика Лашеза? – спросила она у Лукаса, жуя жевательную резинку.

– Дика?

– Он был женат на одной из двух женщин, которых застрелили. Вторая – его сестра. На прошлой неделе, помните? – добавила она, щелкнув пузырем жевательной резинки.

Лукас одной рукой прикрыл микрофон телефонной трубки.

– Ну и?..

– Он сбежал. В Висконсине. Убил одного парня. Конвоира. Лестер говорит, что вам нужно зайти в отдел по расследованию убийств.

– Буду через две минуты, – ответил Лукас.

* * *

Когда Дэвенпорт вышел из кабинета, по коридору ему навстречу шагал грузный патрульный полицейский с седыми, коротко стриженными волосами.

– Приходит мужик с работы и видит у порога свою подружку с чемоданами, – сказал он, беря Лукаса за локоть.

– И что дальше? – спросил Дэвенпорт.

Этот полицейский был великим любителем всяких похабных шуток.

– Мужик растерян. Он говорит: «Что происходит? Что случилось?» «Ухожу от тебя», – отвечает девица. «Что я такого сделал? Ведь утром все было нормально», – говорит мужик. «Я слышала, ты педофил», – говорит подружка. Мужик смотрит на нее и качает головой: «Педофил? Какое, однако, длинное слово для десятилетней малявки».

– Отстань, Хэмпстед. – Лукас высвободился, но удержаться от улыбки не смог.

– Ага, ты еще расскажешь это своим друзьям.

Когда Дэвенпорт вошел в кабинет, Лестер о чем-то разговаривал с лейтенантом из отдела по расследованию убийств. Заметив вошедшего, он убрал ноги со стола лейтенанта и сообщил:

– Дик Лашез во время похорон Кэнди и Джорджи перерезал горло конвоиру и исчез. Примерно час назад.

– Исчез? – переспросил Лукас.

– Да, именно так и сказал шериф округа Данн: исчез.

– Как это он перерезал ему горло? Они, что, подрались?

– Подробностей не знаю, – ответил Лестер. – В похоронном бюро творится какая-то хрень. Это в Колфаксе, в пятнадцати милях от шоссе ай-девяносто четыре, между О-Клер и Меномони. Полтора часа на машине.

– На «Порше» можно и за час, – лениво добавил лейтенант.

– Думаю, тебе нужно срочно отправить туда своих парней, – сказал Лестер.

– Я сам поеду, – нахмурился Лукас. – В любом случае я пока ничем не занят. У нас есть что-нибудь на Лашеза?

– Андерсон сейчас это выясняет, – произнес Лестер. – Тамошний шериф говорит, что Лашез может пожаловать в наши края. Мать Лашеза заявила, что ее сынок будет мстить за жену и сестру. «Око за око», – сказала она.

Лукас посмотрел на лейтенанта.

– Могу я взять с собой Слоуна?

– Конечно. Если сможешь его найти.

Прихватив у Андерсона, компьютерщика отдела по расследованию убийств, толстенную стопку бумаг, Лукас позвонил Слоуну и, когда тот ответил, рассказал о «подвиге» Лашеза.

– Хочешь поехать со мной? – спросил Дэвенпорт.

– Сейчас возьму куртку, и едем. Встретимся возле твоего дома.

* * *

Зимой Лукас практически не ездил на своем «Порше», но сегодня, хотя день выдался холодный и пасмурный, снега не ожидалось. Дорога была сухой и твердой, что нередко случается в середине зимы.

– Как я понимаю, мы торопимся? – спросил Слоун, когда полицейские покатали вдоль Миссисипи.

– Еще как, – кивнул Лукас.

Как только в Кретене они съехали на шоссе I-94, Дэвенпорт связался с диспетчерской и попросил соединить его с дорожным патрулем в Висконсине, чтобы им дали зеленый свет. Полицейские выехали на федеральную автостраду в полдень, а через двадцать минут по мосту через Сен-Круа уже въезжали в Висконсин. Лукас прикрепил к «Порше» красную мигалку и благодаря ей преодолел расстояние на скорости сто двадцать миль в час, лишь в конце пути сбросив до ста.

Окружающий пейзаж – круглые холмы, пасмурное небо, голые деревья и торчащие из снега золотистые стебли кукурузы, загородные дома и одинокие фермы – казался высеченным изо льда. Из труб домов в серое небо тянулись ленивые струйки дыма.

Слоун несколько минут смотрел в окно, а затем сказал:

– На обратном пути за руль сяду я.

Билл Локк, шериф округа Данн, был полноватый, суетливый и назойливый тип. Нацепи ему искусственную белую бороду, сними очки, и получится типичный Санта-Клаус из универмага. Шериф встретил Лукаса и Слоуна в зале Вечного Упокоения в заведении Логана. Заботливый хозяин принес полицейским кофе и пончики.

– Зайдите и посмотрите сами, – предложил Локк. – Кстати, хотелось бы поговорить с Дуэйном Кейлом. Он все еще у вас, в тюрьме округа Хэннепин. Вполне возможно, что он знает, куда мог сбежать Лашез.

– Без проблем, – ответил Дэвенпорт. Вытащив из кармана визитную карточку, он написал свой телефонный номер и вручил ее Локку. – Спросите Теда и скажете, что я просил вас позвонить. Передадите ему все, что нужно.

– Отлично, – сказал Локк и провел прибывших через зал, в котором все еще дожидались похорон тела Кэнди и Джорджи. – Хотите взглянуть?

– Нет, спасибо, – торопливо произнес Дэвенпорт. – Так что тут случилось?

– По словам Логана, Лашез потребовал, чтобы открыли крышки гробов. Лашез и его конвоир вернулись сюда, и директор бюро выполнил его просьбу. Затем Лашез спросил, есть ли в заведении автомат с колой. Логан показал ему, где тот находится. Да, этот парень мастер своего дела. Все выглядело нормально. Сначала решил попрощаться с женой и сестрой, потом ему захотелось колы...

Локк проводил Лукаса и Слоуна в заднюю комнату. Двое помощников шерифа молча наблюдали. Войдя в помещение, полицейские остановились возле кулера. Сэнд лежал на полу, посреди лужи подсыхающей крови. Убитый казался теперь каким-то маленьким и

бледным, и вовсе не суровым, как обычно. Голова повернута под неестественным углом, подбородок упирается в пол, нос слегка приподнят.

– Логан говорит, что вышел всего на пять минут. Когда он вернулся в зал с гробами, там уже никого не было. Тогда он заглянул в заднюю комнату и обнаружил это.

– Больше Лашеза не видели? – спросил Лукас.

– Нет, не видели. – Локк покачал головой. – И ничего о нем не слышали. Сейчас этот сукин сын бродит на свободе.

– Он уже давно скрылся, – сказал Лукас.

– Верно, но мы все равно проверяем дом за домом, – заявил Локк.

– У него должны быть сообщники. – Лукас обошел мертвое тело и посмотрел на закопанные в наручники запястья Сэнда. – Следов борьбы не видно, так что вряд ли Лашез выхватил нож и угрожал жертве. – Лукас потер руки, как будто мыл их. – Если Лашез был в наручниках и ножных кандалах, без борьбы он никак не мог напасть на конвоира. У него наверняка имелся сообщник.

– Он мог уломать Сэнда, чтобы тот отпустил его, и имитировать побег, но потом перехитрил его и зарезал.

– Но что вообще он мог предложить Сэнду? Жена и сестра Лашеза мертвы, так что денежный ручеек давно пересох.

– Мы наведем справки в Мичигане, выясним, были ли там у Сэнда проблемы. Его могли шантажировать.

– Значит, никто не видел, как он ушел, – повторил Лукас.

– Никто. Никто ничего не видел.

– Я слышал, мать Лашеза говорила, что он собирается нам мстить, – вмешался в разговор Слоун.

– Да, именно так и говорила, – подтвердил Локк. – И явно не для красного словца. Этот Дик – психопат.

– Вы его знаете? – спросил Лукас.

– Еще с детства, – ответил Локк. – Зимой я обычно ставил капканы в лесу Ред-Сидар. Лашезы жили к югу от нас, на ферме-развалюхе. Эми Лашез до сих пор там обитает. Я частенько встречал ее детей, Джорджи и Дика. Их папаша был тот еще гад. Пьянчуга. Колодил своих детишек.

– Типичное детство большинства психопатов, – заметил Слоун.

– Верно. Я бы не удивился, узнав, что папаша трахал Джорджи. Она всегда была развитой не по годам, еще в школе. – Локк почесал затылок и поправил редующие волосы на макушке. – Старик Лашез и мне как-то едва не наkostenял. Заявил по пьяни, будто я заходил на его землю возле реки, а ведь Лашезы никогда не жили возле реки.

– А что именно случилось? – поинтересовался Слоун.

– Черт, мне было семнадцать. Я все лето запасал сено. Осенью поставил ограду, после чего взялся за капканы. Я был молодой парень, он же – пятидесятилетний алкаш. Я тогда дал ему хорошего пенделя, – ухмыльнулся Локк.

– Молодец, – похвалил Слоун.

– Молодец-то молодец, да вот его отпрыскам это не понравилось, – усмехнулся Локк. – Вся эта свора превратилась в бешеных собак.

– Так у него еще были дети? Кроме Дика и Джорджи? – уточнил Дэвенпорт.

– Был еще один, Билл. Он умер, – ответил Локк. – Лет восемь-десять назад врезался на машине в опору моста. Был пьян вдупель. На заднем сиденье его тачки нашли тушу мертвого борова.

– Борова? – переспросил Слоун и вопросительно посмотрел на Дэвенпорта, решив, что Локк его разыгрывает.

Локк, как будто прочитав его мысли, расплылся в улыбке.

– Да, он был любитель воровать свиней. Прятал их в машине, а потом у друзей. Когда накапливалось штук пять-шесть, отвозил на продажу в Сент-Пол.

– Боровы, это же надо, – произнес Слоун, печально покачав головой.

Далее Локк сообщил, что на похороны пришли только двое – Эми Лашез и Сэнди Дарлинг, сестра Кэнди.

– Они все еще здесь. Говорят, что ничего не знают, ничего не ведают.

– Вы им верите? – спросил Слоун.

– До известной степени, – ответил Локк. – Можете сами с ними пообщаться. Посмотрим, что вы о них скажете.

* * *

Общение с Эми Лашез оказалось напрасной тратой времени. Она держалась то грубо и агрессивно, огрызалась и отказывалась отвечать, то вдруг пыталась заискивать и вызвать к себе жалость.

– Теперь вы получите по заслугам, – прошипела она, злобно поглядывая на полицейских через траурную вуаль. – Слишком много о себе возомнили. Убиваете людей, думаете, вам все позволено... Ничего, будет и на нашей улице праздник. Дик вам еще покажет.

Сэнди Дарлинг оказалась совсем другой. Несмотря на невысокий рост, в ней чувствовалась внутренняя сила. В черном платье и черном пальто, в черных сапогах с серебряными мысами, она выглядела элегантно, пусть даже на сельский ковбойский манер, одновременно ранимая и наделенная железной выдержкой.

Сэнди смотрела на полицейских спокойно, не моргая, голос звучал ровно, но печально.

Она видела, как приехали Лукас со Слоуном, видела, как они разговаривали с шерифом. Высокий, сурового вида коп был в дорогом, сшитом у хорошего портного костюме. ФБР? Похож на сотрудника ФБР, таких часто показывают в кино. Второй, тощий, показался Сэнди каким-то суетливым. Одет без шика. Костюм простой, в коричневых тонах. Прибывшие сначала закрылись в задней комнате, где лежал мертвый конвоир, но через несколько минут вышли. Затем поговорили с Эми Лашез. Сэнди слышала каркающий голос Эми, но различить слов не смогла.

Через пять минут приездные копы оставили в покое мамашу Дика и подошли к Сэнди. «Держись, – сказала она себе. – Держись».

– Миссис Дарлинг? – спросил высокий коп в элегантном костюме.

У него были голубые глаза, которые словно заглядывали Сэнди прямо в душу. Когда коп вежливо улыбнулся, женщина едва сдержалась, чтобы не вздрогнуть. Улыбка была внешне любезной, но отнюдь не доброжелательной.

Этот человек напомнил Сэнди одного владельца ранчо из Монтаны, с которым она встречалась, когда понадобилось купить пару лошадок. У них был короткий роман с перепахомом, но миссис Дарлинг вспоминала его с удовольствием.

Другой коп, вертлявый, когда улыбнулся, сделался похож на лентяя Дагвуда из старых комиксов.

– Я Лукас Дэвенпорт из полиции Миннеаполиса, – представился высокий. – А это детектив Слоун.

Сэнди обратила внимание на фамилию: Дэвенпорт. Неужели тот самый?

– Это вы застрелили мою сестру? – вырвалось у нее.

– Нет, не я, – мотнул головой высокий коп. – Мы с детективом Слоуном находились в тот день возле здания «Кредитного союза», но не произвели ни одного выстрела.

– Но это вы подкараулили их, – добавила Сэнди.

– Мы считаем иначе, – отозвался Лукас.

Сэнди дернула головой. Что означало понимающий кивок.

– Меня арестуют?

– За что? – вопросом на вопрос ответил тощий коп.

Похоже, он искренне удивился ее словам. Сэнди решила, что ей он нравится больше, чем Дэвенпорт.

– Вот это я и хотела бы знать. Я пришла на похороны, и меня теперь никуда не пускают. Приходится просить разрешения, даже чтобы сходить в туалет. При этом никто мне ничего не говорит.

– Так положено, – объяснил тощий. – Я знаю, насколько это тяжело, но дело очень серьезное. Убит человек.

Тощий полицейский – кажется, его звали Слоун – сказал это вполне убедительно.

– Мы поговорим с шерифом, – продолжил он. – Уточним, сколько времени ему понадобится, чтобы допросить вас. Дадите показания – и уже к ужину будете дома.

– Если, разумеется, вы не причастны к случившемуся, – уточнил Дэвенпорт. Сэнди сидела в массивном кресле, и он занял место в соседнем, рядом с ней. – Если вы как-то с этим связаны и знаете, куда скрылся Лашез, то вам лучше сразу во всем признаться. Пригласите адвоката, и тогда будем говорить.

Чувствуя, как по щеке стекает слезинка, Сэнди покачала головой:

– Я ничего не знаю. Я лишь пришла, чтобы попрощаться с Кэнди.

Три вещи пришли ей в голову. Когда Лукас сказал: «Решайте быстрее», – она подумала, может, и вправду стоит?

На другом уровне Сэнди была так напугана, что с трудом могла все это выносить. А еще на одном – она действительно думала о Кэнди, мертвой, лежащей в гробу в нескольких шагах от нее. Именно эта мысль и заставила слезинку скатиться по ее щеке.

* * *

Заметив, что допрашиваемая вот-вот расплчется, Лукас бросил взгляд на Слоуна. Тот еле заметно нахмурился и произнес сочувственным тоном, легонько прикоснувшись к руке Сэнди:

– Успокойтесь. Послушайте, я не думаю, что вы как-то причастны к этому делу, но иногда люди знают больше, чем кажется им самим. Например, куда бы вы отправились на месте Дика Лашеза? Вы же знаете его, и вы оба хорошо знакомы с этой местностью.

Полицейские говорили с миссис Дарлинг еще пятнадцать минут, но толком ничего не добились. Сэнди еще пару раз пустила слезу, но продолжала твердо стоять на своем: она ничего не знает. Она хозяйка ранчо, где разводит лошадей, она землевладелец, она налогоплательщик, она деловая женщина. И не водится с преступниками.

– Мы с Кэнди, – сказала миссис Дарлинг, – стали жить раздельно, когда я училась в девятом классе, и с тех очень редко виделись. Она сошлась с Диком, и они вместе творили свои дела. Я всегда боялась, что она плохо кончит.

– А что думали по этому поводу ваши родители? – спросил Слоун.

– Отец работал на почте, развозил газеты и письма по нашей округе. Но их с матерью уже нет в живых.

– Извините, – произнес Слоун, – но вы действительно не знаете никого, у кого Лашез мог бы скрываться?

– Нет, – покачала головой Сэнди. – Я не имела и не имею никакого отношения к нему и его друзьям. Да и времени на это нет, я всегда работала.

– Скажите, с головой у него все в порядке? – спросил Лукас. – Его мать говорит, будто он придет за нами, чтобы отомстить.

Сэнди задумчиво повертела в руках ковбойскую шляпу.

– Дик вообще-то странный, – наконец сказала она. – Он грубый, но когда-то был очень даже симпатичным, хотя сейчас сильно изменился. Он был дерзким, бесшабашным. К нему тянулись крутые парни. О нем ходило много невероятных историй, как он гонял на своем мотоцикле, как спал на шоссе на разделительной полосе... На самом деле так однажды и было. Он спал на шестьдесят четвертом шоссе, напротив пивной, мертвецки пьяный.

– Вы тоже думаете, что он станет нам мстить? – поинтересовался Лукас.

– Вас это тревожит? – любопытно спросила Сэнди.

Высокий коп, судя по его виду, имел железные нервы.

– Слегка, – не стал спорить Дэвенпорт. – Потому что я почти ничего о нем не знаю. Простите меня, я помню, Кэнди – ваша сестра, но учитывая, чем занимались эти две особы, лично я сильно сомневаюсь, что они были в здравом уме.

Сэнди кивнула.

– Это все из-за Дика. Когда Дик в ярости, он ведет себя как капризный мальчишка. Совершает безумные поступки, но потом сильно раскаивается. Однажды он напился и избил своего друга, а когда протрезвел и понял, что натворил, избил самого себя. Он где-то взял дубинку и разбил себе лицо. Хорошо, что люди успели отобрать ее у него, а самого Дика отправили в больницу.

– О господи! – ужаснулся Слоун и переглянулся с Лукасом.

– Но Дик может быть обаятельным, – продолжила Сэнди. – Его можно и пристыдить, как маленького ребенка. Но вот стоит ему напиться – и управы на него нет.

– Вы в который раз упомянули про пьянство. Лашез много пьет?

– Много, – кивнула Сэнди. – Он алкоголик, в этом нет сомнений. Так же, как и большинство его дружков. Но Дик не из тех, кто пьет не просыхая, каждый день. Он может долго не пить, но потом срывается и уходит в запой на пару недель.

– Кто-то перерезал горло его конвоиру, связанному, с наручниками на запястьях. Как, по-вашему, Дик Лашез мог это сделать? – спросил Лукас.

– Мог, если впал в ярость и дал волю злобе, – подтвердила Сэнди. – Можно даже не сомневаться. Не знаю, хорошо ли вы понимаете меня, но когда я говорю, что он ведет себя, как капризный мальчишка, поверьте, это именно так. С ним случаются приступы гнева. В таких случаях он опасен для окружающих, у него просто крышу сносит. И он очень силен. Думаю, сейчас у него как раз случился такой приступ.

– Но приступы детского гнева продолжаются всего несколько минут.

– У Дика это зачастую длится дольше. Неделю, может быть, даже две.

– Именно по этой причине он в Мичигане оказался замешан в убийстве?

– Нет, он ни в чем не был замешан, – ответила Сэнди. – Его подставили копы.

Когда Лукас и Слоун одновременно отвернулись от нее, Сэнди еле заметно улыбнулась.

– Вы мне не верите, но так оно и произошло, – сказала она. – Я выступала свидетелем на суде. Был один парень по имени Фрэнк Уайатт, который убил другого человека, по имени Ларри Уотерс. Прокурор сказал, что Уотерс обворовал Уайатта, украл у него порцию дури. Часть партии этой дури принадлежала Диду – во всяком случае, ходил такой слух. В ту ночь, когда произошла кража – по словам прокурора, – Дика и Уайатта видели вместе в какой-то забегаловке в Грин-Бей. Они обсуждали убийство Уотерса.

– Получается, это был преступный сговор, – заметил Лукас.

– Да, – кивнула Сэнди. – У копов был стукач. С него частично сняли обвинения в торговле наркотой, чтобы он дал нужные показания. Этот тип заявил на суде, что сидел в той

забегаловке, когда Дик и Фрэнк обсуждали убийство. На следующий день Фрэнк застрелил Уотерса.

– И вы утверждаете, что Дика там не было? – уточнил Слоун.

– Я знаю, что его там не было, – ответила Сэнди. – Потому что он находился в моем доме. Моя кобылка сломала ногу. Мы ничем не могли помочь ей, перелом никак не срастался, и ее пришлось пристрелить. Мне была ненавистна даже мысль о том, чтобы сделать это самой. Дик и Кэнди тогда жили в городе, и я рассказала им о своей беде. Дик пообещал помочь и слово сдержал. Это было в тот вечер, когда его якобы видели в Грин-Бей. Я собственной рукой записала это в ежедневнике. Более того, Дик и Кэнди прожили у меня тогда целую неделю. Но присяжные мне не поверили. Прокурор сказал: «Она заинтересованное лицо, она его свояченица и поэтому говорит неправду».

– Понятно. – Лукас снова посмотрел на Слоуна, а когда тот пожал плечами, добавил: – Да, такое бывает. Вам попался мудака, извините меня за это слово, который ломает людям жизнь. Вы его возненавидели, а свою ненависть выместили на простых копах.

– Как вы свою – на Кэнди и Джорджи? – спросила Сэнди.

– Мы не подставляли Кэнди и Джорджи. – Дэвенпорт покачал головой. – Они пришли грабить «Кредитный союз». Их никто не заставлял это делать. И не предлагал. Они пошли на это по своей собственной воле. Мы только наблюдали за ними.

Сэнди долго смотрела на обоих полицейских, затем кивнула:

– Будь я копом, я сделала бы то же самое.

Полицейские поговорили с миссис Дарлинг еще несколько минут, но так и не выяснили ничего полезного.

Попрощавшись с шерифом, Лукас и Слоун направились к своей машине.

– Что ты думаешь о Сэнди Дарлинг? – спросил Дэвенпорт.

Слоун пожал плечами.

– Не могу сказать точно. Крутая штучка, не какая-то там размазня. Но, по-моему, она напугана.

– Ее напугали копы, – сказал Лукас. – Они ее сильно прессовали.

– Она напугана по-другому, – возразил Слоун.

Лукас кинул ему ключи, и коллега сел на водительское сиденье.

– Она была напугана, как будто... – Слоун завел двигатель и через секунду продолжил: – Мне показалось, что она боялась совершить ошибку. Она как будто говорила неправду, придумывала историю и боялась, что мы ее разоблачим. Если она никак с этим не связана, ей незачем придумывать историю. Но она ее явно придумывала. Здесь что-то нечисто.

Лукас смотрел в окно на проплывающий мимо маленький городок.

– Гм. А ты знаешь, она мне чем-то понравилась.

– Вообще-то, я это заметил, – сказал Слоун. – В таких случаях бывает трудно арестовывать.

Дэвенпорт улыбнулся. Напарник развернулся и покотил в сторону шоссе I-94.

– Мы проявим осторожность, – помолчав, произнес Лукас. – Пустим слушок, будто ищем кого-то, кто расспрашивает о копах. И наверняка получим сведения на этого типа. О нем и о его связях. Мы поджарим задницу каждому, кто может его знать.

– Мне еще ни разу никто не мстил. – Слоун задумался. – Было несколько угроз, но ничего серьезного.

– Мне тоже пару раз угрожали, но это была всякая мелочь, – признался Дэвенпорт.

– Вот что получаешь в награду за то, что годами выслеживаешь всяких гадов, – посоветовал Слоун и тут же добавил: – Готов спорить, что обратно доеду быстрее тебя.

– Давай. А я пристегнусь покрепче, – отозвался Дэвенпорт.

* * *

Лашез вытянулся на кровати, радуясь тому, что впервые за четыре года лежит на мягком матрасе, и с удовольствием вдохнул воздух свободы.

Или воздух неприкаянности. Спустя какое-то время он сварил себе кофе, намазал крекеры арахисовым маслом и включил радио. Прослушал пять или шесть сообщений о своем побеге и об убийстве Сэнды. Местные репортеры захлебывались от волнения – наконец-то в их сети приплыла сенсация. Один журналюга заявил, будто полиция уверена, что преступник скрылся пешком и теперь в Колфаксе копы обыскивают каждый дом.

Это позабавило Дика – легавые до сих пор не знают, как ему удалось скрыться.

Он слышал завывание ветра снаружи. Затем, спустя какое-то время, натянул куртку и, выйдя наружу, обошел вокруг прицепа. Юркнул в уличный туалет и помочился. Затем дошел до края леса и посмотрел в овраг. Ничего, только следы животных. Вскоре Дик продрог и вернулся обратно.

Солнце уже почти село, и сквозь голые ветки осин был виден лишь его краешек. Лашез еще раз послушал радио. Поиски в Колфаксе прекратили. Шериф округа Данн выдал какую-то чушь, так и не сообщив ничего нового.

И все же Дик обрадовался, когда совсем стемнело. С наступлением ночи поиски наверняка замедлятся, и копы разойдутся по домам. Лашез нашел стопку армейских одеял и завесил ими окна. Затем включил свет, вышел и еще раз обошел прицеп, чтобы убедиться, что наружу не пробивается ни один лучик. Вернувшись, поправил одно одеяло и лег на кровать.

Дик отвык от тишины леса. Забыл о ней за годы, проведенные в тюремной камере. Он ворочался и не мог уснуть. А когда уснул, то, скорее, задремал. Спустя какое-то время сквозь сон донесся скрежет автомобильных шин по твердому насту. Мгновенно пробудившись, Лашез схватил с пола «бульдог» и привстал. Через секунду послышались шаги и скрип открываемой двери.

– Кто здесь? – спросил Дик.

– Сэнди, – ответил ему женский голос.

Лицо ее было искажено яростью.

– Ты придурок! – сказала она.

Лашез продолжал смотреть на Сэнди, нацелив ей в грудь револьвер. Она же была так зла, что не обращала на это внимания.

– Немедленно убирайся отсюда, слышишь? Прямо сейчас!

– Войди и закрой дверь. Напустишь холода. – Продолжая смотреть поверх головы госты, Лашез шагнул назад. – Ты, часом, не привела с собой копов?

– Никаких копов я не привела. Но я требую, Дик, чтобы ты отсюда убрался...

– Завтра, – ответил Лашез. – Завтра мы уезжаем в Мексику.

– В похоронном бюро сказали, что ты собрался мстить тем копам, которые убили Кэнди и Джорджи.

– Верно, – не стал отнекиваться Дик.

– Зачем ты убил конвоира? – спросила Сэнди.

Взгляд Дика скользнул в сторону. Было видно, что он пытается придумать себе оправдание.

– Он был мудака еще тот. Если бы ты знала, что он творил...

– Но теперь тебя разыскивают за его убийство.

– А за что, по-твоему, меня посадили? – пожал плечами Лашез.

– Тогда зачем тебе это снова?

– Какая разница...

– Боже, Дик, разница есть.

– Ты не знала этого ублюдка, – возразил Лашез. – Знай ты, что Уэйн Сэнд проделывал с моими корешами в тюрьге, не стала бы нас винить. – Он покачал головой. – Никому не пожелаю того, через что прошли некоторые из нас.

Сэнди знала: Дик имеет в виду опущенных. Она не купилась на это его оправдание, но и нажимать тоже не стала. Ей хотелось верить ему, а если нажать сильнее, выяснится, что Дик лжет.

– Допустим, но ты должен уйти отсюда, – сказала Сэнди. – Мартин как-то хвастался, какая крутая у него тачка. Если ты уедешь завтра, то послезавтра уже будешь в Аризоне. А еще через день – в Мексике. А если захочешь, докатишь до Тихого океана.

– Да, мы думали об этом, – кивнул Лашез, стрельнув глазами ей за спину. – Что было в похоронном бюро?

– Полиция продержала нас там пару часов. С нами поговорили два детектива из Миннеаполиса. Потом они отвезли нас в Меномони, в здание суда. Пришлось подписать какие-то бумаги, после чего нас отпустили. Потом, ближе к вечеру, пришли двое помощников шерифа и осмотрели мой дом.

– У них был ордер на обыск?

– Нет, но я их впустила, подумала, что так будет лучше, – ответила Сэнди. – Они заглянули во все комнаты и ушли.

– Как там Элмор?

– Элмор был на работе. Но они с ним уже поговорили.

– Он не сдаст нас? – спросил Лашез.

– Нет. Он напуган не меньше меня. – Сэнди неожиданно разозлилась. – Зачем ты это устроил, Дик? Мы никогда не делали тебе ничего плохого, а теперь ты тянешь нас за собой...

– Нам нужно было место, чтобы перекантоваться, – ошетинился Лашез. – Откуда мы могли знать, как все сложится? Если копы выйдут на наш след, нам понадобится точка, откуда можно быстро слинять. Вот я и вспомнил про этот прицеп.

– Я требую, чтобы ты ушел отсюда, – повторила Сэнди и ткнула в Лашеза пальцем. – Если ты этого не сделаешь, мне придется самой пойти в полицию. Когда ты уйдешь отсюда, я все здесь приберу. Вытру все отпечатки пальцев на предметах, к которым ты прикасался. И еще я надеюсь, что, если тебя поймут, тебе достанет благородства молчать о том, где ты прятался.

– Меня не поймут, – возразил Лашез. – Я туда больше не вернусь. Пусть меня убьют, но в тюрьгу я больше не сяду.

– Даже если тебя не поймут, в тебя будут стрелять. Представь, ты приходишь в себя и видишь, что ты в больнице...

– Я им ничего не скажу, – покачал головой Лашез. – Ни за что. Пусть даже не надеются.

– Ну ладно. – Сэнди посмотрела на часы. – Мне пора, потому что помощники шерифа могут снова прийти. Но я тебе еще кое-что скажу. Один из копов из Миннеаполиса – тот самый Дэвенпорт, который командовал группой, убившей Кэнди и Джорджи.

– Я знаю, кто он такой, – произнес Лашез. – И что?

– Он крутой мужик, – сказала Сэнди.

– Я тоже, – отозвался Лашез.

Сэнди кивнула.

– Мое дело – предупредить.

Выйдя из прицепа, она направилась к своей машине. Сев в нее, какое-то время сидела неподвижно, затем завела двигатель. «Ну вот, теперь и на мне лежит вина, – подумала Сэнди. – Я, трудолюбивая хозяйка ранчо, законопослушный налогоплательщик и республи-

канка по убеждениям, по идее, должна добровольно отправиться в тюрьму за то, что сделала. Но я не отправилась».

Более того, Сэнди приложит все усилия, чтобы туда не попасть. При одной только мысли о тюрьме у нее подгибались ноги.

Спрячась Дик в любом другом месте, Сэнди не раздумывая сдала бы его полиции. Но объяснить, почему он оказался в автоприцепе ее свекра, будет невозможно, а у нее есть опыт – прежний суд над Лашезом. Сэнди знает, как поведут себя копы, особенно желающие отомстить.

Черт! Она вспомнила, что у нее дома в шкафу лежит дробовик. Сэнди никогда раньше ни о чем таком не задумывалась, но она могла бы вернуться на ранчо, взять дробовик мужа, снова приехать сюда и, выманив Дика из прицепа, пристрелить его. Бабах! А потом спрятать тело где-нибудь на кукурузном поле, и его до весны никто бы там не нашел.

Сэнди вздохнула. Нет, это не для нее. За всю жизнь у нее ни разу не возникало желания причинить кому-то вред. Но и сдаваться она тоже не собирается. Она еще поборется.

* * *

Уэзер и Лукас ели равиоли, купленные на итальянском рынке. За едой Дэвенпорт рассказал о своей поездке в Колфакс.

– Еще раз повтори для меня самый конец, – попросила Уэзер. – Про мечь, про «око за око».

– Ничего, мы его найдем, – махнул рукой Лукас. – Этому типу недолго быть в бегах. Его ищут слишком много людей. Всем, кто участвовал в перестрелке с налетчицами, я велел не терять бдительности.

– Ты думаешь, что он придет и за тобой? – спросила Уэзер.

– Вряд ли, – ответил Дэвенпорт, но после короткой паузы добавил: – Не знаю. Может быть. Он настоящий придурок. Нам всем просто нужно быть начеку. Небольшая предосторожность не помешает.

– Так вот почему у тебя под стулом лежит пистолет... Ничего себе, «небольшая предосторожность».

Лукас не донес до рта вилку.

– Извини, – произнес он. – Но это действительно не слишком серьезно. Думаю, его скоро поймают.

Глава 05

Раннее утро в «Блэк Уотч».

Энди Стадик вошел через входную дверь, на ходу снял перчатки, расстегнул пальто и, пройдя мимо барной стойки, решительно направился в кухню, где вытащил из кобуры пистолет. Особой необходимости в этом не было, скорее он сделал это по привычке.

Стадик был невысокого роста, с острой макушкой. Волосы коротко подстрижены, глаза слегка навывкате. На кухне он кивнул повару, нарезавшему лук для фарша, обогнул стойку со сковородками и кастрюлями, не обращая внимания на посудомойку-мексиканку, и вышел в заднюю дверь.

В подсобке, с ее лампами дневного света на потолке, было прохладно. Здесь высились картонные ящики с пустыми пивными бутылками, коробки с бумажными полотенцами, туалетной бумагой и банками кетчупа, а также мешки с картофелем. Помещение пропахло мокрой бумагой, картошкой, луком и сигарным дымом.

Деймон Харп сидел, вытянув ноги, на одном из двух красных пластиковых стульев – в летчицкой куртке, потертых «левойсах» и бордовых ковбойских сапогах с серебряными мысками, – и молот зубами жевательную резинку.

– Чего ты хотел? – спросил Энди и встал, сунув руки в карманы.

– У нас проблема. – Харп положил ногу на соседний стул и подтолкнул его по бетонному полу к полицейскому.

– Я ничего не желаю слышать ни о каких проблемах, – заявил Стадик.

– Что поделать. – Харп пожал плечами.

– Чувак, мне противно даже видеть тебя, – сказал Стадик. – Войди сейчас сюда наши гады из внутренней безопасности, считай, что мне хана. Я бы и моргнуть не успел, как был бы на пути в Стиллуотер, в тамошнюю тюрьму.

– Я не мог иначе. Дело важное. Садись, черт побери.

Стадик перевернул стул и, сев на него верхом, положил руки на спинку.

– Ну, что там такое?

– Вчера вечером ко мне на хазу нагрянули два ублюдка, – начал Деймон. – Наставили пушки. Хотели узнать, кто меня крышует. Их интересовало, как тебя зовут.

– Как меня зовут?

– Угу. Им было известно, что я работаю с копом, но они не знали, как тебя зовут.

– Что ты мелешь, Харп?

– Они сказали, что будут отрезать Жасмин один палец за другим, если я не сообщу твое имя. Хотели сразу отрезать ей пару пальцев, чтобы показать, что не шутят. Потом пригрозили, что как только отрежут ей все десять пальцев, то примутся за глаза и выколуют их. После чего перережут ей горло и тут же возьмутся за меня.

– И ты им сказал?

– А что мне оставалось? Они отрезали ей указательный палец. Прямо на разделочной доске. Связали ее и заткнули рот. Таким, как они, все равно кого зарезать, курицу или человека. Настоящие отморозки. Мне таких приходилось видеть в тюрьме. У них под глазом татуировки в виде слез. Одна слеза – один убитый. Такое не делается просто так. За подобные вещи приходится отвечать. У одного было три слезы, у второго, который с ножом, – две.

– Ты мог назвать любое имя, – сказал Стадик.

– Им нужно было доказательство, – покачал головой Деймон. – У меня имелось небольшое доказательство.

– Какое? – едва ли не прошептал Энди.

– Я сделал несколько снимков.

– Ну, ты гад! – Стадик вскочил и, оттолкнув ногой стул, потянулся за пистолетом. Харп торопливо поднял руки.

– Это было давно, когда я тебя не знал. И передо мной лежал отрезанный палец Жасмин, скрюченный, как креветка. Что, мать твою, я должен был делать?

– Мог бы и соврать! – рявкнул Энди, нервно сжимая рукоятку пистолета.

– Тебе легко говорить. Тебя там не было, – возразил Деймон.

Стадик сделал глубокий вдох, как будто только что вскарабкался на высокую гору, и спросил:

– Какого черта им сдалось мое имя?

– Им нужна от тебя какая-то информация.

– Рассказывай! – потребовал Стадик и нервно принялся грызть ноготь большого пальца. Показалась кровь; он тут же слизнул ее, теплую и солоноватую на вкус.

– Им нужны личные дела копов, – ответил Харп. – Из полицейского управления.

* * *

В тюрьме Лашез постоянно думал об этом, рисовал себе, как все будет. Разрабатывал стратегию будущей войны. *Мы* против *них*. Понадобится база. Где-нибудь в сельской местности. Несколько домиков, соединенных трубой ливневой канализации на глубине шести футов. Другие трубы должны пролегать в горах и выступать в роли подземных блиндажей. В каждом должны быть генератор «Хонда», скважина с питьевой водой и коллектором стоков.

Оружие. Снайперские винтовки на случай обороны. Штурмовые винтовки для ведения продолжительного боя. Противопехотные мины с дистанционным управлением. Бронебойные ракеты. Дик закрыл глаза и вообразил сражение. Встреченные мощным огнем защитников, нападающие с позором отступают.

Нападающих Лашез представлял себе смутно. Сводная группа агентов Бюро по контролю за оборотом алкоголя, табака и огнестрельного оружия, негры из чикагского гетто, индейцы и мексиканцы... Хотя это, конечно, чушь собачья, иногда все враги до единого были агентами бюро, все в черном и в масках.

Что только не взбредет в голову.

* * *

Реальность обернулась парой грузовичков и развалюхой в трущобах.

Лашез и Баттерс добрались до города на пикапе Элмора. Мартин в другой машине ехал следом за ними. Сообщники решили, что им нужно два фургона, по крайней мере на первое время.

Баттерс и Мартин поймали Элмора в сарае. Сэнди дома не было, она объезжала лошадей. Приятели потребовали ключи от пикапа.

– Всего лишь на одну ночь, – заявил Баттерс, придвинувшись к Элмору вплотную. – На тот случай, если нас остановят копы, у Мартина есть права и техпаспорт, но нам нужно подстраховаться. Мы ничего не сделаем с твоей тачкой.

– Парни, я же вам сказал: сегодня мы перевозим вещи, – пролепетал Элмор.

Эта парочка, Мартин и Баттерс, внушала ему ужас. Мартин – явный торчок, латентный гей, влюбленный в Лашеза. Баттерс – самый настоящий псих с безжизненными глазами черпахи.

Элмор попытался высвободиться, но Мартин сунул руку в его карман и вытащил ключи. Когда же Элмор попытался их отобрать, его с другого бока прижал к стене Баттерс.

Сжав в кулаке ключи, Мартин пообещал:

– Мы их тебе вернем, приятель.

* * *

Дом, двухэтажная развалюха из листового проклепанного железа в одном из переулков района, известного как Лягушатник, снаружи требовал покраски, изнутри – немалого количества дихлофоса.

Полподвала было залито водой. Распределительный щиток, повисший над мокрым полом, явно снился начальнику местной пожарной охраны в кошмарных снах. Для неприятельного жилища Мартин приобрел на благотворительной распродаже три армейского образца кровати, неряшливый, поносной расцветки диван, два кресла в тон, кухонный стол и несколько стульев, а также новенький телевизор «Сони».

– Хорошее место, если, конечно, обойдется без пожара, – прокомментировал Мартин. В доме пахло мокрой штукатуркой и подгоревшей яичницей. – Проводка в подвале еще та.

– Слушай, все отлично. – Лашез оглядел помещение.

Никакой сети подземных коммуникаций, никаких генераторов «Хонда». Никаких мин-ловушек.

В тот вечер Баттерс, откинув голову назад и закрыв глаза, сидел на одном из шатких стульев. Мартин, скрестив ноги, устроился с банкой пива на полу. Разложив рядом с собой стрелы, он менял старые наконечники на новые, время от времени бросая на Лашеза взгляды, полные сексуального обожания.

– Мы должны их уделать, – произнес Дик, держа в руке стакан с бурбоном. – Мы слишком долго болтаем. Все болтаем, болтаем и болтаем... Но теперь, когда они застрелили Кэнди и Джорджи, мы им вломим.

– Тогда нам всем крышка, – отозвался Мартин.

В свете лампы его борода казалась огненно-красной.

– Возможно, – равнодушно согласился Лашез и сделал глоток из стакана. – Тебе не все равно?

Мартин, продолжая возиться со стрелами, примерно минуту молчал.

– Меня уже все достало. Я готов.

– Ты мог бы свалить на север, в Юкон.

– Да я уже был там, – ответил Мартин. – Чертовы канадцы. Все они – сплошной коммунистический сброд. На Аляске лучше.

– Тогда в Мексику.

– Я же американец.

Лашез кивнул.

– А ты, Ансель?

– Сначала хочу покончить с этим делом, – ответил Баттерс.

– Нам нельзя торопиться. Нужно все хорошенько обмозговать.

– Я хотел сказать, что пора кончать с этим делом, – сказал Баттерс. – Тут поневоле заторопишься.

Лашез снова кивнул.

– Для меня это точно будет конец. Но, богом клянусь, я прихвачу с собой на тот свет кое-кого из этих ублюдков.

Мартин неуверенно посмотрел на Дика, затем тоже кивнул и отвернулся. Они работали вместе, без напряжения, ловко и споро, но решительно, как делали раньше в охотничьих лагерях, готовя оружие и снаряжение, обдумывая каждый ход, немного выпивая, проникаясь охотничьим азартом и духом товарищества.

Подельники проверили оружие, наверное, в двадцатый раз, заряжая и разряжая пистолеты, паля холостыми в телевизор. В помещении крепко пахло ружейным маслом и растворителем. Сообщники Лашеза вспоминали старые времена и свои давние вылазки, вспоминали старых знакомых, многих из которых уже нет на этом свете.

– Если останусь жив, – продолжил Лашез, – то больше ничего не стану делать. Просто просижу в камерах до конца своих дней. А еще...

– Что еще? – уточнил Мартин.

– Да ничего, – отмахнулся Дик, но подумал о Мексике. Он всегда собирался побывать там, но так и не сподобился.

– Стоит мне все это представить, мозги идут набекрень, – признался Баттерс.

Его физиономия покраснелась от алкоголя.

* * *

Сэнди была готова лопнуть от злости, когда, вернувшись домой с ранчо, услышала рассказ Элмора о том, что у него отобрали машину. Она тут же села в свой автофургон и бросилась в погоню, но этой троицы уже и след простыл.

Сэнди доехала до Мен-Круа и только там поняла бессмысленность своих усилий. Сбросив скорость, она развернулась и покатила обратно.

– О чем ты только думал?! – закричала Сэнди на мужа. – Надо было проглотить эти ключи!

Вечером Элмор готовил ужин – рис с тушеной олениной. Сэнди сидела перед телевизором, вдыхая химические запахи полуфабриката, доносившиеся с кухни. Ей было слышно, как муж гремит посудой. Вскоре Элмор прошел по коридору и застыл в дверях. Сэнди сделала вид, будто увлечена новостями спорта.

– Мы должны сообщить копам, – сказал он, стоя у жены за спиной.

– Что?! – воскликнула Сэнди и вскочила с кресла.

Этого она никак не ожидала.

Голос Элмора сорвался на крик:

– Если мы ничего не предпримем, могут случиться две вещи. Нас или убьют, или посадят в тюрьму за соучастие. Именно так и случится – одно из двух!

– Поздно, – ответила Сэнди. – Дело зашло слишком далеко. Нужно сидеть и помалкивать.

На глаза Элмора навернулись слезы, а одна предательски скатилась вниз по щеке. Сэнди внезапно поняла, что не знает, как поступить. Ей случалось видеть, как муж боится, как он съезживается от страха, как пытается уйти от ответственности, но она никогда не видела, как он плачет.

– С тобой все в порядке?

Элмор повернулся к жене. По его щекам текли слезы.

– Как это могло случиться?

– Из-за моей сестры, – ответила Сэнди. – Все это из-за моей сестры Кэнди. И из-за автоприцепа твоего отца. Мы с тобой здесь совершенно ни при чем.

– Нам нужно заявить в полицию.

– А что мы им скажем? И с какой стати они нам поверят?

– Может, и не поверят, – хрипло согласился Элмор. – Но ты же видела, что у Мартина есть оружие. Как они теперь отправятся в Мексику? Как они с оружием переберутся через границу? Даже если переберутся, у них же нет денег! Ни в какую Мексику они не собираются. Они замышляют какой-то безумный трюк!

– Нет-нет, – покачала головой Сэнди. – Они уедут отсюда. Дик Лашез не дурак.

– Дик Лашез – полоумный, – возразил Элмор. – Хочешь знать, что будет дальше? Через два-три дня нас с тобой или убьют, или мы окажемся за решеткой. Через два или три дня, Сэнди. Никаких тебе больше лошадей, никаких верховых прогулок. Ни поездок в город, ни походов по магазинам. Мы попадем в тюрьму, навсегда. Гнить нам там до конца наших дней.

Супруги какое-то мгновение смотрели друг на друга, затем Сэнди сказала:

– У нас нет выбора. Если заявим в полицию, то что там скажем? Мы даже не знаем, где сейчас Дик и что он задумал. А бандитов в наших краях полным-полно. Или ты забыл, что случилось с тем парнем, который собирался дать на суде показания против Кэнди? Его убили.

– Может, старина Джон Шэнкс что-нибудь придумает, – задумчиво проговорил Элмор. Шэнкс был адвокатом по уголовным делам, в том числе вел дело Кэнди. – Вдруг он нам что-то подскажет.

– Не знаю, Эл. – Сэнди нахмурилась. – Дело зашло слишком далеко. Если бы только они не прятались в нашем автоприцепе...

– Мы можем его отдрать. Никаких следов не останется.

– Верно, но если мы настучим на них, они потянут нас за собой. Неужели тебе хочется оказаться в одной тюрьме вместе с Мартином и Баттерсом?

Элмор сглотнул застрявший в горле комок. Храбростью он никогда не отличался.

– Нужно что-то сделать.

– Пойду немного прогуляюсь. – Сэнди встала. – Может, что-нибудь придумаю.

* * *

Она надела парку, обулась, натянула перчатки и вышла из дома. Ночь была зверски холодной и ветреной. Под ногами хрустел снег. Сэнди шагала по двору, освещенному синеватым светом фонаря, и ее переполняли тревожные мысли. Лишь бы только ничего не случилось! Лишь бы Дик поскорее исчез отсюда. Лишь бы Элмор повел себя как мужчина.

Сэнди никогда не любила Элмора, хотя в былые времена он ей нравился. Да и сейчас она порой испытывала к нему нежность. Но гораздо чаще страдала от того, что Элмор ее любит; она же с трудом терпит его присутствие рядом с собой.

Сэнди выросла рядом с лошадьми, хотя своими собственными обзавелась относительно недавно. Ее отец, деревенский почтальон, всегда мечтал разводить лошадей, и как только Сэнди исполнилось три года, стал брать ее на верховые прогулки. Так продолжалось, пока девушке не стукнуло восемнадцать. Кэнди, в отличие от сестры, была равнодушна к лошадям и перестала кататься еще в младших классах. Сэнди никогда не изменяла своей страсти.

И никогда не изменит. Она любила лошадей даже больше, чем любил их отец. Прогуливаясь в эти минуты возле дома, Сэнди как будто рядом чувствовала сладковатый запах сарая, запах конского навоза и соломы, хотя сарай находился на расстоянии четверти мили от дома. Она никогда не покинет эти места, никогда-никогда.

С Элмором они вместе учились в школе, но после уроков не встречались. Окончив школу, Сэнди уехала учиться на медсестру в О-Клер, а через два года вернулась обратно в Тергл-Лейк, где стала работать в местном доме престарелых. Тогда же она начала копить деньги на собственное ранчо. Когда родители погибли в автокатастрофе по вине пьяного водителя, то на половину своих денег от страховки Сэнди купила четыреста акров земли к востоку от городка.

Элмор на тот момент работал в городе охранником и начал за ней ухаживать. Сэнди была в ту пору одна и не возражала против ухаживаний. Она, конечно, сделала ошибку, решив Элмору работать на ранчо. Он не отличался ни большим умом, ни особым трудолю-

бием, но Сэнди требовалась хоть какая-то помощь. Ведь сама она по вечерам работала в доме престарелых, а днем – на ранчо. Вторая ошибка заключалась в том, что она стала с ним спать, со вторым мужчиной в своей жизни.

Затем Элмор упал с лестницы и повредил спину. Страховка, двадцать две тысячи долларов, позволила купить лошадей и старенький трактор. Кроме Элмора, рядом никого не было. И Сэнди хорошо к нему относилась.

Она частенько прогуливалась по дорожке, ведущей к дому. Особенно когда жизнь начала казаться неудачной и Сэнди ощущала, что Элмор стал для нее неподъемной обузой. Ранчо – это единственное, чего ей хотелось в жизни, и ради него она была готова на все. Когда же Сэнди его получила и когда разведение лошадей понемногу начало приносить прибыль, оказалось, что ей нужно что-то большее. Вернее, кто-то другой. Человек, с которым можно было бы общаться как с равным, который разбирался бы в бизнесе, разделял ее любовь к лошадям...

Элмор стал эмоциональной ловушкой, из которой Сэнди теперь ни за что не выбраться. В Монтане жил один ее знакомый. Сейчас он женат, но она постоянно вспоминает о нем. С таким, как он...

Сэнди заставила себя выбросить эту мысль из головы. Пустое. Она повернулась и по хрустящему снегу зашагала обратно. Так и ее жизнь – все по кругу, по кругу, без всякого просвета. Женщина посмотрела на северный небосклон и, увидев над сводом вечнозеленого леса первые всполохи северного сияния, решила, что ей непременно нужно с кем-то поговорить о Дике Лашезе.

– Не сейчас, – сказала она Элмору, когда вернулась домой. – Давай подождем пару дней. Может, они все-таки уедут. В любом случае нам нужно придумать убедительную историю. Вот когда что-нибудь придумаем, тогда и пообщаемся со старым Джоном.

* * *

Энди Стадик вошел в прачечную и сел на стул. В помещении пахло стиральным порошком «Тайд», грязной мыльной водой и пересушенным бельем.

Какая-то женщина подозрительно посмотрела на визитера раз, затем другой. Он продолжал сидеть, хорошо одетый белый мужчина, который ничего не собирался стирать. Женщина занервничала. Она сидела на складном стуле и читала журнал «Пипл» двухнедельной давности. Достав из машины постиранную и высушенную одежду, торопливо сложила ее в розовую пластиковую корзинку и ушла. Стадик остался один. Он подошел к двери, перевернул табличку «открыто/закрыто» стороной «закрыто» наружу и посмотрел в окно.

Мимо прачечной прошел белобрысый хиппи, не иначе тот самый молодой южанин, который наехал на Деймона Харпа. Спустя минуту к прачечной приблизился белый мужчина с крючковатым носом и засунул голову в дверной проем.

– Ты Стадик?

– Я.

– Сядь.

Черт побери. Энди же сказал им, что не хочет светиться в общественных местах. Он сказал им, что Харп будет наблюдать.

Прошла еще минута, и из-за угла показался бородач в надвинутой на глаза бейсболке. У него была походка фермера, тяжелая, грузная и немного неуклюжая. Неряшливая стрижка, как у фермера. Красные от холода уши. Затылок слегка подбрит. Мужчина неторопливо вошел в прачечную. Стадик узнал его по фотографии с полицейского плаката. Лашез.

– Какого хрена ты о себе возомнил? – произнес Стадик, решив, что нужно сразу наехать на этого типа, показать, кто есть кто.

– Заткнись! – осадил его Лашез.

У него был низкий баритон и тяжелый неприятный взгляд.

– Это ты мне говоришь заткнуться? – вскочил со стула Стадик.

Лашез сунул руку в карман и, не вынимая, пошевелил ею. В кармане был пистолет.

– Доставай свою пушку! – скомандовал он Стадику.

– Что? – Произнеся это короткое слово, тот понял, что проиграл.

– Хочешь устроить мне неприятность? Тогда доставай свою пушку. Я готов к неприятностям. Я уже пришел одного копа, так что второго грохну не раздумывая.

– Мать моя женщина!

Лашез понял, что взял верх над этим легавым, и вынул руку из кармана.

– Где документы?

– Ты сошел с ума, если думаешь, что я принесу тебе документы.

– Я псих, – просто ответил Лашез и снова сунул руку в карман. – Предупреждаю заранее. Ну, где документы?

– А зачем они вам, хотел бы я знать?

– Хотим припугнуть народец, – пояснил Лашез. – Пусть кое-кто попрыгает через обруч, как в том русском цирке. А сейчас хватит меня злить: или отдай их мне, или скажи, что у тебя их нет. Если у тебя их нет, я уйду.

Когда они договаривались о встрече по телефону, Лашез сказал, что если Энди не принесет документы, то следующий его звонок будет в службу внутренней безопасности.

Стадик шумно выдохнул и качнул головой:

– Припугнуть, говоришь? Только и всего?

– Только и всего, – подтвердил Лашез.

Он лгал, и коп это понимал. Дик это видел, но ему было наплевать.

– Гони свои гребаные бумаги.

– Слушай, Лашез, я же сказал, что пришел налегке.

– Тогда я ухожу. – Дик направился к выходу.

– погоди минуту, – остановил его Стадик. – Мне нужно засунуть руку в карман.

Дик снова взялся за пистолет, однако кивнул. Энди достал из нагрудного кармана документы и протянул их ему.

Лашез не глядя взял бумаги и попятился к выходу.

– Если это фальшивка, пеняй на себя. – Он шагнул к двери.

– погоди, – проговорил Стадик. – Я должен знать, как связаться с тобой.

– Мы сами с тобой свяжемся, – ответил Лашез.

– Подумай сам, – продолжил полицейский. – По мне лучше, чтобы тебя здесь не было. Чтобы ты уехал или чтобы тебя пришли. Что угодно, лишь бы не поймали. Если они смекнут, что ты замыслил, и придумают способ тебя схватить, я должен знать, как до тебя дозвониться.

– У меня нет телефона, – ответил Лашез. – Мы попытаемся разжиться сотовым.

– Позвони мне, как только он у тебя появится. – Стадик достал из кармана карточку и написал свой номер. – Я всегда ношу с собою этот телефон.

– Я подумаю, – сказал Дик, беря карточку.

– Подумай. Пожалуйста.

Лашез натянул бейсболку на самые глаза, вышел в дверь и свернул за угол. Через две минуты в прачечную через заднюю дверь юркнул Харп.

– Насколько я понял, их было трое, – сообщил он. – Я видел на улице этого типа. Затем подъехал пикап, и из него вылез этот голодранец-южанин. Он новый, его я не знаю. Затем пикап отъехал. Ну, и водитель – это третий.

– Запомнил номера?

- Запомнил.
- Кого-нибудь еще видел? Кто был бы похож на копа?
- Харп отрицательно покачал головой.
- Видел на улице пару пацанов и какую-то старую шлюху.

* * *

Лашез просмотрел компьютерную распечатку страховой программы полицейского управления. В целом информация показалась ему сплошной абракадаброй, но в ней были квадратики и прямоугольники, в которых стояли имена застрахованных полицейских, их адреса и телефонные номера.

- Современная наука, – философски заметил он.
- Что? – спросил Мартин, повернувшись к нему.
- Я читаю компьютерную распечатку. Мне нужен сотовый телефон, – отозвался Лашез. – Технический прогресс, одним словом.
- И он начал обводить кружком отдельные имена.

Глава 06

Уэзер Каркиннен накинула белый махровый халат. Голову венчало закрученное тюрбаном полотенце.

Сквозь окно она была похожа на фигуру с картины Вермеера – тихая, неторопливая, разомлевшая после ванны. Уэзер негромко подпевала мелодии диска с записью Гленна Гульда.

Она достала из холодильника пиво, открыла бутылку и нашла стакан. Неожиданно зазвонил телефон. Уэзер вернулась в комнату, взяла трубку и, прижав ее ухом к плечу, продолжила наливать в стакан пиво.

– Да, он здесь.

Лукас, закрыв глаза, сидел в старом кресле – мысленно пытался решить тактическую головоломку, в которой присутствовали автомобильная погоня и вооруженное ограбление.

Когда-то он разрабатывал учебные настольные игры, после чего переключился на компьютерные. Затем на время ушел с полицейской службы и создал компанию, занимающуюся компьютерным моделированием полицейских задач.

Дэвенпорт вовремя сменил поле деятельности: выпускаемая им продукция пользовалась спросом. Теперь его компанией управлял профессиональный менеджер, и, хотя Лукас все еще был владельцем большей части основного капитала, ныне он главным образом занимался концептуальными задачами. Дэвенпорт работал над софтом, который бы отделил голос от передачи данных. Замаскировав серьезную проблему под внешне увлекательную программу, можно было бы обучать новых диспетчеров отвечать на срочные звонки в ситуации, предполагающей триаж.

Триаж. Это слово программисты использовали при составлении компьютерных симуляторов. Оно уже несколько дней как застряло в памяти и до сих пор не давало покоя. Было в нем что-то необъяснимо неприятное.

– Лукас!

Дэвенпорт вздрогнул. В дверях стояла Уэзер со стаканом темного самодельного пива в руке. Она сама варила напиток в большой оплетенной бутылки, которую хранила в чулане, пользуясь набором, подаренным ей Лукасом на день рождения.

– Тебе звонят.

Дэвенпорт стряхнул с себя задумчивость и с трудом встал.

– Кто это? – спросил он, зевая. Увидев пиво, оживился: – Это для меня?

– Кто звонит, не знаю, а пива налей себе сам, – сказала Уэзер. – Слушай, мы с тобой говорим, как в телерекламе. Ты тот, кто храпит, сидя в кресле после ужина, – уточнила она.

– Я задумался, – рассеянно признался Лукас и взял трубку.

Уэзер скептически хмыкнула.

– Неужели?

Голос, прозвучавший в телефонной трубке, был каким-то неприятно маслянистым.

– Это Эрл Ступелла. Из «Блю Булл», помните такого?

– Да, Эрл, помню. Что случилось?

– Вы участвовали в той перестрелке, что была неделю назад. В «Кредитном союзе».

И это был не вопрос.

– И что?

– То, что сюда сегодня вечером приходила некая бабенка. Она сказала, что видела мужа одной из тех двух девок, которого якобы только что выпустили из тюрьмы и который сразу кого-то грохнул. Кажется, Лашез?

Сонливость Лукаса как рукой сняло.

- Лашез, верно, – подтвердил он. – Где она его видела?
- В автомате-прачечной на Одиннадцатой улице. Сказала, будто видела, как он туда вошел и поговорил с каким-то мужиком, который был внутри. Она разглядела их в окне. Они о чем-то перетирали с минуту, а потом Лашез вышел.
- Ясно. И кто эта бабенка? – уточнил Дэвенпорт.
- Только не говорите ей, что я вам звонил, – попросил Ступелла.
- Без проблем.
- Салли О’Дональд. Она живет где-то там неподалеку, кажется, возле кладбища. Точно не знаю.
- Я знаком с Салли, – ответил Лукас. – Что-то еще?
- Ничего. Салли сказала, что не хочет иметь с Лашезом ничего общего, поэтому когда она увидела его, то поспешила оттуда уйти.
- Когда это было?
- Салли заходила к нам примерно час назад, – ответил Ступелла. – Этого типа она видела утром.
- Хорошие сведения, Эрл. Чек получишь по почте.
- Спасибо, чувак.

* * *

Дэвенпорт положил трубку на телефонный аппарат. Лашез. Значит, он был здесь. И, в общем-то, особенно не скрывался. Лукас секунду стоял, задумчиво глядя на телефон, затем снова снял трубку.

- Уходишь? – спросила Уэзер.
- М-м, да, пожалуй. – Дэвенпорт нажал на кнопку быстрого набора и вслушался в гудок.
- Дел ответил со второго звонка.
- Слушаю!
- Надеюсь, что ты говоришь не по тому телефону, который стоит возле постели.
- Что случилось? – спросил Дел.
- Особенного – ничего. Я просто подумал, а не прокатиться ли нам с тобой, если ты ничем не занят.
- Ты приглашаешь меня на прогулку поесть мороженого? Или на прогулку, захватив оружие?
- Второе, – ответил Дэвенпорт, бросив взгляд на Уэзер; к ее верхней губе прилип комочок пивной пены.
- Второе, черт побери, – отозвался Дел. – Дай мне десять минут.

* * *

Переулки были заезжены, колеи – заполнены льдом. Автомобильная печка работала плохо, и Дел, не любитель надевать перчатки, сунул руки под мышки. Единственное, что утешало в это время суток: подонкам, которых они ловят, так же холодно. В такие ночи преступления совершаются редко – в основном бытовые убийства, но они случаются независимо от погоды.

- Вскоре ожил радиопередатчик, и Дел взял в руки микрофон.
- Слушаю.
- Дом О’Дональд – третий слева, как только свернете с главной дороги, – произнес диспетчер.

– Спасибо. Как-нибудь доберемся.

Лукас объехал вокруг дома, чувствуя, как «Эксплорер» подсакивает на ухабах. Полицейские заметили свет в окне в задней части дома, где обычно находится кухня. Из соседнего окна падал голубоватый свет включенного телевизора.

– Одна беда – у нее паршивый характер, – предупредил Дэвенпорт.

– А размером она с гараж на две машины, – подхватил Дел. – Может, пристрелить ее еще до того, как мы начнем с ней разговор?

– Лучше просто ранить, – развил шутку Лукас. – Желательно в коленную чашечку.

– В последний раз мы тоже попали в коленную чашечку.

– Это точно. Ну вот и приехали. – Дэвенпорт остановил машину. – Только не нервнирай ее, договорились? Не хочу гоняться за нею по всему двору.

Салли О’Дональд пребывала в дурном расположении духа. Уперев руки в бока, она стояла по другую сторону закрытой стеклянной двери. Волосы были накручены на розовые бигуди, уголки сочных губ кривились в недовольной мине. На Салли был потертый банный халат, на ногах – меховые тапочки, похожие на раздавленных кроликов.

– Какого черта, мать вашу, вам здесь надо? Да еще ночью?

– Просто поговорить, только и всего, – ответил Лукас, глядя на женщину снизу вверх со второй ступеньки крыльца.

– В последний раз я разговаривала с вашим поганым Кэпслоком – так вроде бы его звали. Я была готова яйца ему оторвать, – заявила из-за двери хозяйка, не проявляя желаний открыть гостям.

Через плечо Дэвенпорта она бросила колючий взгляд на Дела. Тот поежился.

– Салли, мать твою, открой дверь! Ты нас тут заморозишь. Богом клянусь, нам только поговорить с тобой нужно.

Через пару секунд О’Дональд сжалилась. Она впустила визитеров в дом и провела в комнату, где работал телевизор. Там было накурено, как в боулинге, – хоть топор вешай. Хозяйка отодвинула в сторону столик на колесах и, указав Дэвенпорту на обтянутое вельветом кресло, сама села в другое. Дел остался стоять.

– Мы знаем, что ты видела Дика Лашеза и всем об этом растрезвонила, – начал Лукас.

– Ничего я не растрезвонила, рассказала всего троим. – Салли сощурила свои и без того узкие пороссячи глазки. – Рано или поздно я узнаю, кто это на меня настучал. Он у меня получит.

– Только яйца ему не отрывай, договорились? – пошутил Дел.

– Мы лишь хотим услышать, где ты видела Лашеза, с кем он был и что ты о нем знаешь, – сказал Лукас. – Наш источник утверждает, будто ты с ним когда-то тусовалась.

– Кто он, твой источник? Я буду говорить, только если ты взамен кое-что мне скажешь.

– Ты же понимаешь, что я не могу тебе это сказать. Зато если пойдешь мне навстречу, я шепну своим коллегам, сама знаешь из какого отдела, и они на пару месяцев забудут о тебе, – пообещал Дэвенпорт и добавил: – Если, конечно, ты сообщишь нам что-то полезное.

Салли согласно кивнула, явно что-то подсчитывая в уме. Обещанная пара месяцев перетянула.

– Хорошо, – сказала она. – Время от времени я тусовалась с местными бандюками. Долго, лет десять. Но потом перестала, лет этак пять назад. Для начала они взяли меня в дело, возили на работу в Милуоки. Дик был у них самой большой шишкой, когда я с ним познакомилась. Тогда ему было лет двадцать пять. Так что, выходит, теперь ему под сороковник?

– Тридцать восемь, – уточнил Лукас. – Это было давно.

– Угу. Дик мне особенно запомнился. Он считал, что похож на Марлона Брандо. Любил носить приплюснутые рыбацкие шляпы, золотые цепочки и прочую хрень. Я как-то даже

раз, в Милуоки, видела, как он улыбается перед зеркалом в сортире, в баре. Как будто репетировал улыбку.

– Репетировал?

– Ну да.

– Что-то он не похож на большого босса, – заметил Лукас.

– Еще как похож! Правда, с головой малость не дружит. Большинство местных бандюков как бы занимались бизнесом. Сам знаешь, наркота, порнушка, проститутки... Они тупые, но не обязательно шизанутые. Небось слышали, что Дик спал пьяный прямо на шоссе?

– Да, я слышал эту историю, – ответил Дэвенпорт.

– Я это видела собственными глазами. Точно тебе говорю. И еще видела, как он на «Харлее» пытался заехать на дерево, на высокий такой дуб.

Лукас и Дел обменялись взглядами и пожали плечами.

– Он убил конвоира. Взял и перерезал ему горло, – сказал Дэвенпорт. – Это в его духе?

Салли задумалась, склонив голову набок.

– Лет десять назад его лучше было не злить. Но чтобы взять и зарезать... – Она щелкнула пальцами. – Не знаю.

– Его жена и сестра занимались тем, что грабили магазины и банки, а деньги отдавали всяким чокнутым, – произнес Лукас. – Лашез не смог бы сбежать без помощников. Думается, ему помогли эти самые придурки.

– Я не была знакома ни с женой, ни сестрой Дика. Правда, в его банде ошивались несколько психов. К тому времени когда я отошла от них, я знала, что они против черных, евреев, политиков, легавых, всяких там феминисток, телевизионщиков, банкиров, против страховок и продуктовых купонов.

– Ты говоришь совсем как радио, – заметил Лукас.

Салли рассмеялась неприятным булькающим смехом, и ее толстый живот колыхнулся вверх-вниз.

– Да ты шутник! – сказала она, ткнув в Дэвенпорта пальцем.

– Что Лашез делал в прачечной? – вступил в разговор Дел.

– Разговаривал с каким-то мужиком, – ответила Салли. – Они стояли и спорили о чем-то, когда я проходила по улице и увидела их в окне. У Дика сейчас борода; она была и в то время, когда я с ним водилась. На снимке в газете он без бороды.

– Это было его последнее фото, – пояснил Дэвенпорт. – Лашез начал отращивать бороду два или три месяца назад.

– Как она выглядела, эта борода? – поинтересовался Дел. Он стоял, прислонившись к комоду. – Коротенькая и аккуратная? Специально подстриженная?

– Как у библейского пророка, – ответила Салли. – Длинная и всклокоченная.

– И что произошло дальше? – уточнил Лукас. – После того, как эти двое кончили спорить?

– Я не стала там задерживаться. Не хотела, чтобы Дик увидел меня и стал просить об услуге, ну, вы сами знаете, о какой.

– Не хотела обслуживать на халяву? – поинтересовался Дел.

– Да плевать мне на халяву, – ответила Салли. Затем отвернулась и добавила: – Если Дик нарисовался здесь, то и парни, его старые дружки по банде, должно быть, тоже где-то рядом. С такими лучше дел не иметь.

– Мы уже имели, – ответил ей спутник Лукаса.

Салли кивнула.

– Я читала, что вы грохнули его женушку и сестрицу.

– Ну и?... – спросил Дел.

– Он точно это дело так не оставит. На вашем месте, парни, я бы переехала в другой штат.

Лукас недоуменно посмотрел на хозяйку.

– Ты думаешь, он будет охотиться за копами?

– Дэвенпорт, ты что, меня не слушал? – рявкнула Салли. – Дик – безбашенный чувак. Вы грохнули его жену и сестру. Он начнет охоту за вами. Око за око, зуб за зуб. – Салли нахмурилась. – Тот парень, с которым он разговаривал в прачечной, я думаю, он коп.

– Что? – не поверил своим ушам Лукас.

– Я не в курсе, кто он такой, но я всегда узнаю вашего брата по повадкам. Знаешь, как? Я скажу тебе. Ваш Кэпслок – исключение, он похож на алкаша. А этот мужик – типичный коп. Самый, что ни на есть.

– Ты узнала бы его на фотографии?

– Вряд ли, – пожала плечами Салли. – Я его толком не разглядела. Смотрела-то я больше на Дика, а не на него. Просто он стоял так, что я подумала: вот типичный коп.

Дел взглянул на Дэвенпорта.

– М-да, этого нам только не хватало. Дело дрянь.

– Ты прав, старина, дело дрянь. – Лукас обвел взглядом комнату с побуревшими от табачного дыма обоями, смятыми упаковками купленной на вынос еды на полу и сказал, скорее самому себе: – Око за око.

Глава 07

Мартин приобрел пенопластовую мишень, плотный белый квадрат с концентрическими кругами вокруг «яблочка». Гвоздем прибил ее к стене над холодильником и, стоя в гостиной, стал пускать стрелы через открытую дверь. Те под пение тетивы вонзались в мишень с глухим стуком.

Поддержание формы, так он называл эту стрельбу. Ему было все равно, куда будут впиваться стрелы, – главное, чтобы форма была хорошей. Кстати, стрелы всегда попадали в «яблочко».

Лашез смотрел какую-то телеигру. Когда та закончилась, зевнул, встал и подошел к окну. Наступили сумерки. Дик какое-то время всматривался в темноту, затем опустил занавески и обернулся.

– Седлаем коней! – улыбнулся он.

Мартин так увлекся, что, похоже, не услышал его, выпуская в цель одну стрелу за другой.

Баттерс забавлялся новеньким сотовым телефоном. Он купил его у своего знакомого дилера, который, в свою очередь, купил его у какого-то юного любителя кокаина.

– Две недели можешь звонить спокойно, – заверил его дилер. Баттерс дал ему за телефон тысячу долларов; дилер, не пересчитывая, сунул деньги в задний карман джинсов. – Мать этого парня – агент по торговле недвижимостью. Сейчас отдыхает на Барбадосе. Уезжая, она оставила сыну денег на еду. Паренек сказал, что его мамашка делает по пятьдесят звонков в день, так что пользуйся сколько душе угодно. Но я бы на твоём месте не стал звонить, допустим, в Россию.

Сообщники воспользовались телефоном дважды. Один раз позвонили Стадику и один раз – торговцу подержанными автомобилями.

Когда Лашез велел «седлать коней», Ансель отложил телефон и достал из дорожной сумки два пистолета. Один был миниатюрным «даймондбэком», второй – покрупнее, калибра 9 мм. Баттерс вытащил обоймы из обоих, пересчитал патроны и засунул обратно. Затем достал из сумки массивный самодельный глушитель и надел на девятимиллиметровый. Отлично. Полюбовавшись, свинтил глушитель и спрятал в боковой карман камуфляжной куртки.

– Готов, – коротко сообщил он. На его виске до самой скулы выступила толстая голубая вена, похожая на шрам.

– Ну а как ты? – спросил Лашез Мартина.

Тот в очередной раз натянул тетиву, выпустил стрелу и ответил:

– Я давно готов.

Дик двумя пальцами раздвинул одеяла на окне и выглянул наружу. Шел снег, горели уличные фонари. Снег начался еще в полдень и был слабым, но сейчас уже валил вовсю, хотя синоптики обещали, что сильного снегопада не будет. Свет ближнего фонаря напоминал тусклое мерцание свечи.

Лашез вернулся в глубь комнаты, подошел к стулу и взял в руки три листка бумаги – ксерокопии статей из «Стар трибюн». Он обвел ручкой упомянутые в статьях имена: детективы Шерилл, Кэпслок, Франклин и Купичек отстранены от исполнения обязанностей на время рассмотрения комиссией дела о превышении полномочий и применении огнестрельного оружия во время дежурства. Заместитель начальника управления Дэвенпорт и детектив Слоун оружие при этом не применяли и поэтому остаются на активной службе. Значит, стреляли Шерилл, Кэпслок, Франклин и Купичек.

– Ну что? – спросил Мартин и бросил на Лашеза пристальный взгляд.

- Око за око, – ответил Лашез.
- Точно, – согласился Билл и принялся надевать куртку. – Идем.

* * *

Мартин подъехал на пикапе прямо к салону подержанных автомобилей. Он заранее звонил сюда и спросил торговца по имени.

– Я разговаривал с вами пару дней назад о «Понтиаке» девяносто первого года выпуска, черного цвета.

– «Файерберд»? – В голосе продавца прозвучала неуверенность.

Вообще-то он ни с кем не говорил ни про какой «Файерберд».

– Да-да, он самый. Его еще никто не купил?

– Пока что ждет своего покупателя. Вечером на него собирался взглянуть один человек, но никаких звонков от него не было, – ответил продавец.

Билл ухмыльнулся, зная, что тот врет.

– Я заеду к вам через часок.

– Буду вас ждать, – пообещали на другом конце линии.

У Мартина при себе имелся морпеховский боевой нож с пятидюймовым лезвием. Он купил эту штуку сам себе в подарок на Рождество, найдя его в армейском каталоге, и теперь носил в ножнах на поясном ремне. Нож был единственным его подарком за последние несколько лет, не считая бутылки «Джим Бим», которую ему подарил Лашез за год до того, как загремел в тюрьму.

На подъезде к автосалону Мартин почему-то вспомнил про «Джим Бим». Припарковался он на другой стороне улицы. Биллу были видны освещенные окна, но снегопад усилился, и люди по ту сторону стекла казались призрачными силуэтами.

У него было всего десять минут. Мартин закрыл глаза, устроился поудобнее и подумал о тех, кого когда-то убил. Сам факт убийства не особенно тревожил его: Билл просто, не раздумывая, убивал. В детстве на их ферме было много всякой живности, которую можно было прикончить. Куры, свиньи, а осенью – телята. А еще была охота: белки, зайцы, еноты, голуби, куропатки, олени, медведи...

Когда Билл убил первого человека, то не стал задумываться по этому поводу. Тот чувак, Гарольд Картер, дал в долг денег Лашезу, которому они требовались, чтобы открыть магазин запчастей для мотоциклов. Лашез, разумеется, их не вернул. Картер пригрозил подать в суд. Дик решил от него избавиться.

Билл убил Картера ударом ножа в спину на заднем крыльце его собственного дома, положил тело в пикап, а после зарыл в лесу. Ничего сложного в этом не было, все равно что зарезать свинью. Свиньи всегда знают, что с ними будет, и отчаянно сопротивляются. Визжат, дергаются, рвутся из рук. Картер просто упал замертво, и всё.

Второе убийство доставило проблем не больше, чем первое. Третье, сделай Билл все правильно, должно стать самым легким, так как ему не придется возиться с телом. Мартин закрыл глаза. Имей он желание поспать, то мог бы даже немного вздремнуть.

* * *

Лашез, сидевший за рулем машины Элмора, высадил Баттерса возле торгового центра. У Анселя было два пистолета: девятимиллиметровый, с навинченным глушителем, в кобуре под мышкой, и миниатюрный «даймондбэк» – в левом кармане куртки.

Он не спеша прошелся мимо отдела телеигрушек. Какая-то высокая женщина о чем-то разговаривала с одиноким покупателем. За прилавком стоял тощий лысеющий мужчина

в белой рубашке. Ансель остановился возле телефонной будки, нашел в кармане бумажку с номерами и набрал номер магазина. Мужчина за прилавком взял трубку.

– Отдел телеигрушек. Меня зовут Уолт, слушаю вас.

– Скажите, Элейн сейчас на месте?

– Минуту.

Человек в белой рубашке позвал высокую женщину. Та что-то сказала покупателю, улыбнулась и подошла к прилавку. Баттерс повесил трубку и посмотрел на часы. Двадцать минут шестого. Лашез, наверное, уже подъехал к дому Кэпслока.

* * *

Жена Кэпслока работала медсестрой в окружной клинике. Во всяком случае, так было написано в страховке. Ее смена заканчивалась в три часа.

Лашез остановился возле универмага и набрал телефонный номер – все это, включая адрес работодателя, домашний и служебный телефоны, он узнал из страховки. Втянув голову в плечи и укрываясь от снегопада, Дик принялся ждать.

Как и Баттерс, он был вооружен – правда, предпочел взять парочку револьверов, а не пистолеты. Ему было наплевать на то, что выстрелы будут слышны, и поэтому Дик не стал заморачиваться с глушителем. Он предпочитал старый добрый револьвер. Не надо взводить никакой затвор, просто целся и стреляй.

– Алло! – ответила с четвертого гудка Шерил Кэпслук.

– Миссис Кэпслук? – Лашез попытался придать голосу мальчишескую жизнерадостность. – Скажите, Дел сейчас дома?

– Пока нет. А кто это?

– Это Терри. Я на заправке «Амоко» в Снеллинге. Дел хотел... хотел поговорить со мной и оставил этот номер. Скажите ему, что я скоро приеду, хорошо?

– Конечно. Как, ты сказал, тебя звать? Терри?

– Да. Терри. У него есть мой номер.

– Я обязательно ему передам, – ответила Шерил.

* * *

Мартин перешел улицу и приблизился к парковке, где стояли приготовленные к продаже машины. «Файерберд» был на прежнем месте, в десятке шагов от главной витрины автосалона. Билл разок обошел автомобиль, затем пригнулся и заглянул в витрину.

Обойдя «Файерберд» во второй раз, он заметил продавца. Тот стоял в освещенной комнате и надевал куртку. Мартин вытащил нож и сунул в правый карман. Через секунду продавец вышел из здания и направился к машине. Его куртка была расстегнута, и под ней виднелся дешевый галстук.

– Красавица, верно? – Продавец кивнул на автомобиль.

– Вы мистер Шерилл? – спросил Мартин.

– Да, я Майк Шерилл. Мы, случаем, не встречались с вами на прошлой неделе?

– Нет, вообще-то нет. Послушайте, я не вижу, какой пробег у этой красоти.

Шериллу было лет тридцать пять. Некогда заядлый спортсмен, теперь он немного раздобрел от безделья и злоупотребления виски. Дважды сломанный нос боксера. Прожилки лопнувших вен на щеках. Сильно поредевшая некогда буйная шевелюра.

– Примерно пятьдесят пять тысяч миль. Давайте я вам открою дверь, посмотрите сами.

Шерилл обошел машину, рукой в перчатке смахнул с ветрового стекла снег и начал возиться с замком дверцы. Мартин посмотрел мимо Майка в сторону витрины автосалона.

В ней на мгновение появился второй продавец. Бросил взгляд на падающий снег и тут же отвернулся.

– Прошу вас. – Шерилл открыл дверцу.

Мартин решил, что момент самый что ни на есть подходящий. Лучше не будет. Майк распахнул дверцу, и Билл отступил в сторону.

Как только Шерилл подался назад, Мартин шагнул к нему и, положив одну руку ему на спину, второй нанес удар, снизу вверх – так обычно бьют в солнечное сплетение. Нож вонзился Шериллу чуть ниже грудины и вошел прямо в сердце.

Майк охнул, покачнулся и начал медленно оседать на землю. Его глаза были широко открыты и обращены на Мартина. Тот опустил падающее тело на сиденье, затолкнув его внутрь головой вниз, затем схватил умирающего за ноги и тоже затолкал их в салон. Голова Шерилла болталась под рулем, а ноги лежали на переднем сиденье. Глаза помутнели. Он пытался что-то сказать, но на губах появился лишь кровавый пузырь.

– Спасибо, – произнес Мартин.

И, захлопнув дверцу, зашагал прочь. За стеклом витрины автосалона не было никого, кто мог бы его увидеть.

* * *

Баттерс дождался, когда мужчина в белой рубашке займется новым покупателем, а женщина освободится. Сжимая в кармане пистолет с глушителем, он вошел внутрь. В дальней части магазина, возле двери складского помещения, был выставлен целый ряд включенных телевизоров. Ансель направился прямо к ним. Элейн Купичек последовала за ним. «Для жены копа она слишком красивая», – подумал Баттерс.

– Вам чем-то помочь? – спросила Элейн.

У нее были полные губы и длинные худые руки с короткими ногтями.

– Знаете, у меня в Сент-Поле есть свой бар.

– Понятно.

– Если я проведу кабельное телевидение, смогу ли я играть в разные игры, даже если каналы будут отключены?

– Конечно. Вы сможете играть в любые игры.

Продавец в белой рубашке повел покупателя к отделу компьютеров, разговаривая с ним о программном обеспечении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.